

Или я сейчас умру от счастья

Автор:

[Маша Трауб](#)

Или я сейчас умру от счастья

Маша Трауб

«Со мной такого точно не случится», «выдумка, так в жизни не бывает» – часто повторяем мы, слушая историю чужой жизни и не понимая, что судьба уже стоит за плечом и посмеивается, готовясь преподнести сюрприз или планируя розыгрыш. Жизнь иногда напоминает мне маленького ребенка – ласкового и нежного, в то же время капризного и невыносимого. Иногда злого и беспощадного, не знающего границ дозволенного. И уже через минуту – дарящего такое счастье, что хочется умереть.

Маша Трауб

Маша Трауб

Или я сейчас умру от счастья

© Трауб М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Жена Зябкина

Они дружили еще с института. Ну как сказать дружили – встречались курсом раз в три или пять лет, чтобы услышать, что никто совсем не изменился, ни капельки: девочки по-прежнему молоды и прекрасны, мальчики – бодры, веселы и еще хоть куда. Что годы над ними не властны и все ощущения как в двадцать лет.

Старостой была Каринка. От нее же всегда и исходила инициатива встреч. Она завела чат, который поддерживала как ответственный администратор – время от времени выставляла фотографии студенческих времен, поздравляла Машку с рождением первого внука, а Катюху со статусом свекрови. Не забывала про праздники, дни рождения. Именно Каринка задала в чате вопрос: «Ребят, а кто с Зябкиным видится?» Зябкин, как написала Каринка, давно в чате не появлялся, и она волнуется – может, что случилось? Телефон сменил точно. Она звонила по старому номеру, абонент заблокирован. А ведь очередная встреча уже через месяц. Зябкина надо найти и поставить в известность. Каринка всегда была очень ответственной – она еще в институте знала, кто действительно заболел, а кто прогуливает. У кого роман и с кем. При этом никогда не сплетничала, просто собирала сведения для отчетности.

Лена написала, что как-то столкнулась с Зябкиным в парке – он шел пешком до дома, вместо пробежки. Отлично выглядит, поседел правда. «Мне нужно с ним связаться. Узнай его новый номер», – попросила Каринка.

Лена еще посмеялась, что староста – это не должность, а диагноз. Сменил номер? Предоставь новый для связи. Пропал? Сообщи, куда именно и надолго ли. В случае с Зябкиным вопрос, как с ним теперь связаться, был актуальным для многих. Зябкин работал то ли советником, то ли еще кем-то важным в правительстве Подмосковья и имел обширные связи в разных кругах. Настолько разных, что многие диву давались. Он мог пристроить на госслужбу не только любимого сыночка или дочку однокурсницы, но при желании и любимого хомячка чада трудоустроить. Через Зябкина детям устраивались стажировки, целевое поступление в институт и прочие теплые места, включая больницы, детские сады, школы и прочие государственные учреждения. Зябкин никогда никому не отказывал.

Конечно, его все любили. Не только за готовность помочь, но и за легкий характер, чувство юмора. Кто за что. Зябкина, как говорила Карина, невозможно было не любить. Если Карина всегда четко следовала правилам, то Зябкин умел

их так нарушать, что никому не было обидно, а всем приятно. Даже в институте только Зябкин своим обаянием и личным и весьма близким знакомством с секретарем декана мог добиться, чтобы сменили преподавателя, которого вся группа терпеть не могла. Да сделать это так аккуратно и корректно, что сам препод Зябкина поблагодарил бутылкой коньяка. Зябкин мог поднатаскать по математике сына преподавательницы философии и для всей группы получить зачет автоматом. И лишь постфактум сообщить, что парня тошнило от одного вида цифр и занятия продолжались целых полгода. Надо ли говорить, что за это время он успел познакомиться с учительницей математики своего подопечного и найти с ней полное взаимопонимание. Насколько полное – лучше было не интересоваться. Но парнишка получил четверку в году, а его счастливая мать готова была расписаться не только в зачетках, но и в любом месте, на которое укажет ей Зябкин.

Он был службой спасения: не знаешь, как поступить и что делать – звони Зябкину. Любую проблему руками разведет. Его ценили, берегли как зеницу ока. Когда на третьем курсе Зябкин решил перевестись с философского на юридический факультет – а в его способности это легко сделать, никто не сомневался, – вся группа с Кариной во главе уверили его, что без него они пропадут, и он остался.

Все любили Зябкина, кроме Катюхи. На втором курсе у них был короткий роман, и Зябкин спокойно совмещал личные отношения с, так сказать, общественной нагрузкой, не видя никаких противоречий и конфликта интересов. Если он на пару дней пропадал с секретаршей декана, то это вовсе не означало, что он решил расстаться с Катюхой. Она – его девушка, официальная, а секретарша – для дела. Надо же проставить прогульщикам посещение. Это же на благо курса. Он же не для себя старается! Катюха рыдала, ревновала, бесилась и спрашивала у Карины, что ей делать. Карина неизменно отвечала, что Зябкин – счастье не только Катюхиной жизни, но и общественной. И лишь благодаря его усилиям их курс считается лучшим чуть ли не за всю историю института и все получают стипендию.

– Ты-то ладно, а подумай о Севе, – успокаивала Катюху Карина. – Он в общаге живет. Каждую копейку собирает, чтобы домой на каникулы съездить. Сева слетел со степухи из-за единственной тройки, и Зябкин выбил ему материальную помощь. Ну кто бы мог так сделать?

Но Катюха решила не делить Зябкина с общественностью. Наверное, в первый и единственный раз он не сделал так, чтобы девушка получила удовольствие от расставания. Так что они даже не разговаривали до окончания института. Позже, конечно, помирились, подружились. Зябкин произнес такой тост на Катюхиной свадьбе, что та чуть ли не из-за стола готова была пойти разводиться. Впрочем, именно Зябкин нашел Катюхе мужа и, можно сказать, сосватал ее. Случайно, конечно, получилось. Но кто знает? Ведь именно он привел своего приятеля в их компанию и подвел к Катюхе. Зябкин стал для Катюхи почти родственником. Даже из роддома ее забирал, потому что законный муж попросил оказать услугу – сам не мог, улетал в командировку. Так что и с крестным отцом для сына Катюхи вопрос был решен сразу же – ну кто, если не Зябкин? Впрочем, у него было столько крестников и крестниц, что только Карина знала точное число.

Ну и как крестный отец Зябкин пристроил подросткового сына Катюхи на теплое место на госслужбе. Работа оказалась – мечта, не бей лежачего. С девяти до шести, с тринадцатой зарплатой, полным соцпакетом, талонами на обеды в столовой и прочими радостями государственной службы. Катюха была счастлива и даже попыталась укусить себя за локоть – не стоило тогда Зябкина упускать. Молодая была, дурная. Сейчас бы, конечно, закрыла глаза на всех секретарш, вместе взятых.

Кстати, институт ее сын окончил благодаря тому же Зябкину, который и академический отпуск вместо грозившего отчисления устроил, и с военной кафедрой и с научным руководителем договорился.

Не прошло и трех месяцев, как Катюхин сын, опустив свой рыхлый для юноши зад в кресло чиновника, попытался хоть что-то понять в бумажках, разложенных на столе, и Катюха снова стала ненавидеть бывшего однокурсника, практически родственника. А случилось так, что под звуки скрипичного квинтета, игравшего в вестибюле во время обеденного перерыва, Катюхин сын, единственный, ненаглядный, познакомился с девушкой. А спустя буквально полгода объявил матери, что готов жениться. Катюха и глазом не успела моргнуть, как стала свекровью. Избранница сына ей категорически не нравилась, семью избранницы Катюха на дух не переносила, сына, который стал говорить словами жены, не узнавала. И во всех бедах, в частности в чудовищном мезальянсе, она, не найдя более очевидного кандидата, обвинила Зябкина. За поддержкой Катюха обратилась к Карине, но та, выслушав, как всегда разумно заметила:

– Ну почему мезальянс? Может, это его потолок? Может, именно такую жену твой сын и заслуживает. Вряд ли он привлек бы умницу и красавицу. Ты же понимаешь, что, если бы не Зябкин...

Катюха смертельно обиделась на Карину и даже ушла из чата однокурсников. Карина же не хотела ее обидеть, просто мыслила логически и всегда говорила правду.

Зябкин с годами не растерял ни доброго нрава, ни готовности прийти на помощь. Он все еще отличался неизменно хорошим, на грани идиотизма, настроением. Его голливудская улыбка, демонстрирующая белоснежные дорогостоящие виниры, удивительным образом оставалась искренней. Зябкин по-прежнему рассказывал пошлые анекдоты – от самых древних до современных. И по-прежнему легко, бодро и с энтузиазмом молодожена-первогодки шел в загс. Точное количество официальных браков Зябкина знала лишь Карина, но даже она не могла уследить за всеми его гражданскими связями. В статистических данных Карина также не учитывала несколько посещений загсов в тот момент, когда учреждение оказывалось закрытым на капитальный ремонт или по причине выходного дня и национального праздника. Брак, продлившийся две недели, Карина тоже не считала действительным.

Весь их курс, помимо встреч, организованных Кариной, традиционно собирался на очередной свадьбе Зябкина. К своим пятидесяти годам он был женат «только-Карина-знает-в-какой раз», и никто не дал бы зуб за то, что в последний.

«Зябкин, у меня нет столько платьев, сколько у тебя жен. Девочки спрашивают, можно им прийти на свадьбу в нарядах, в которых были на твоей четвертой свадьбе? Почти все могут влезть в те платья. Остальные собираются под платья худеть», – сообщала Зябкину Карина. «Зябкин, ты портишь мне статистику. Весь курс образцово-показательный, у всех крепкие браки, у детей полные семьи. Скоро юбилей института, и наш курс хотят наградить в номинации „лучший, верный, крепкий“, – звонила ему Карина, – а ты опять развелся!»

«Зябкин, поимей совесть! – кричала она. – Я на подарки по случаю крестин внуков деньги собираю! И опять ты со своей свадьбой! Я хочу выбрать крестильное платье, а не опять постельное белье и чайный сервиз для тебя!»

«Зябкин, я тебя убью! Наташка поругалась с мужем! Светка хочет разводиться. Ты своей очередной свадьбой подрываешь моральный дух нашего курса! Все хотят личную жизнь и звонят мне. И знаешь, что говорят? „Почему Зябкину можно, а мне нельзя?“»

Но именно последняя, как говорил, прихотливая, Зябкин, крайняя, жена устроила ему Пентагон и родила одного за другим троих детей, чего не могли или не хотели сделать предыдущие жены. Зябкин смирился с ролью подкаблучника и послушно ходил быстрым шагом от метро до дома через парк, как того требовала жена. Он больше не плавал голым в пруду в парке, не напивался вдрабадан и пропустил последнюю встречу однокурсников, потому что его не отпустила жена. А потом и вовсе сменил номер телефона. Объяснение имелось только одно: жена потребовала оборвать связи, потому что однокурсники продолжали общаться не только с Зябкиным, но и с его бывшими женами. Зябкин выбирал себе очень нужных для жизни женщин. Всех, кроме последней, или крайней.

– Бесит! – кричала Катюха. – Тоже мне, летчик нашелся! Почему он так говорит – «крайняя»? Жена может иметь порядковый номер! Если она последняя, так пусть так и говорит! Я ему словарь Ожегова подарю! Два экземпляра куплю! Один для своей невестки, другой для Зябкина!

«Ребят, надо найти Зябкина. Срочно», – написала Карина в чате, сопроводив сообщение тремя красными восклицательными знаками. Лена, жившая по соседству с Зябкиным, пообещала гулять в парке, пока не встретит бывшего однокурсника, что в конце концов и случилось. Тот шел быстрым шагом, как было велено крайней женой, и вдруг сделал вид, что не узнал Лену и даже попытался от нее скрыться, резко свернув с основной дороги на тропинку.

– Зябкин, стоять! – закричала она и кинулась вдогонку. – Ты с ума сошел? Тебя все ищут! Каринка объявила тревогу! Ты от меня сбежать хотел, что ли?

– Ленка, привет, прости. Ты ведь все еще куришь? – шепотом спросил Зябкин, хотя рядом никого не было.

– И курю, и пью! А ты что, бросил? Нет, только не говори, что ты теперь йог и зожист! – Лена достала пачку сигарет и протянула Зябкину.

– Угу! Жена велела. Пойдем, покурим? – попросил Зябкин тем же жалобным, не подразумевающим отказа тоном, каким всегда просил у Лены конспекты лекций.

– Куда пойдем? – удивилась она.

– Вон, за деревья. Моя может здесь гулять. Она иногда так делает, проверяет, бегаю я или нет, – ответил Зябкин.

– Тебе что, острых ощущений в жизни не хватает? – рассмеялась Лена. Она выдала Зябкину сигарету, зажигалку и пошла с ним прятаться в кустах. Зябкин с явным наслаждением затянулся и наконец расслабился.

– Слушай, Каринка тебя в розыск объявила, – начала Лена. – Ты ей очень нужен. Не знаю зачем. Но если она тебя разыскивает, значит, что-то срочное. Ты же ее знаешь. Она не будет из-за пустяка на уши всех поднимать. Дай мне свой новый номер телефона. Обещаю, только для наших.

– Ладно. Только звоните в рабочее время и не в выходные, – попросил Зябкин и достал телефон.

– Жена контролирует, что ли? – рассмеялась Лена, – Ну, ты попал, Зябкин. Не узнаю тебя.

Он махнул рукой и достал из Лениной пачки еще три сигареты.

– Боже, Зябкин, тебе уже за полтос, как говорит мой сын, а ты сигареты на нычку стреляешь!

– Ага, смешно. Как вы там все? Нормально? – Зябкин попытался продемонстрировать виниры, но вышла кривая ухмылка. – Ты это, скажи Карине, что я не специально скрывался. Как, кстати, Катюха? Не знаешь? Отошла или все еще на меня злится?

– А как ты думаешь? – рассмеялась Лена. – Ненавидит тебя. Сильнее, чем когда ты ее бросил на втором курсе.

– Я ее не бросал! – воскликнул Зябкин. – Это она!

– Ну да. После того как ты роман с секретаршей закрутил, – хмыкнула Лена. – Как тебе сказать? Хорошо, что я тебя в парке подстерегла, а не она. Убила бы на месте без последнего желания. Ты бы у нее даже сигареты не выпросил, чтобы перед смертью последнюю затяжку сделать. Невестка ее уже беременная ходит. Так что твоя Катюха скоро бабушкой станет. Что ты лыбишься? Я ее прекрасно понимаю. Это ты счастливый молодой отец, а мы уже бабки. Слушай, может, тебе пачку отдать? Спрячешь от жены за батарею. Зябкин, я тобой восхищаюсь! У тебя есть силы играть в подростка! Твоя новая жена тебя что, бьет? Ты плохо выглядишь. Нет, издали, так очень даже. Похудел, стрижку модную сделал. Борода по последней моде. А вблизи не очень: уставший, седой, круги под глазами. Не высыпался? Только прошу тебя, не закрашивай седину и не коли ботокс от морщин. Наши девочки, если увидят тебя на встрече однокурсников с идеальным лбом и жгучим брюнетом, не простят.

– Лен, прости... сам знаю, что как дурак выгляжу. И веду себя как дурак. Но я так счастлив с ней. И дети... Я поставил старшего, Мишку, на коньки. Ходит на хоккей. Этот клоп во всем этом обмундировании – у меня слезы наворачиваются. Я ж ни одной его игры пропустить не могу. Сердце обрывается, будто не он, а я на льду. А Софик такая принцесса растет. Подойдет, обнимет, все. С ума сойти можно. У младшего, Феди, зубы режутся. Я его на руки беру и по квартире хожу. Такое счастье, ты не представляешь. Мишка на тестя похож, Софик пока на меня, но характером даже не в жену, а в тещу, а Федя мой, только мой. Один в один.

– Наслаждайся моментом, – улыбнулась Лена. – Маленькие детки спать не дают, а с большими сам не уснешь.

Лена забыла отправить Каринке новый телефон Зябкина, поскольку была занята другими проблемами – муж затеял ремонт на даче, но свалился с приступом ревматизма. Врач рекомендовал покой, растирания и запретил поднимать тяжести. Так что Лене самой пришлось ездить по строительным рынкам и магазинам, поскольку ревматизм ревматизмом, а ремонт уже был запущен. Две

недели Лена общалась лишь с прорабом и продавцами. Муж, к счастью, шел на поправку и все дни причитал, что Лена наверняка купила не тот лак и не ту краску. К концу второй недели она уже сама свалилась с приступом давления – то высокое по вечерам, то низкое по утрам. Она списывала все на усталость, нервозность и сама себя убеждала в том, что ничего серьезного, надо просто отлежаться несколько дней. Но становилось все хуже. Лена даже испугалась. Если раньше по утрам она ощущала слабость и подступающую тошноту, то последние несколько дней ко всем симптомам добавилось еще и головокружение. Лена помнила, что в последний раз голова так кружилась только в молодости после сильного перепоя. Кажется, это называлось «вертолет». Стоило приподнять голову, как потолок начинал бешено вращаться. Один раз Лена ткнулась головой в пол, причем сильно.

Ничего не помогало – ни крепкий чай, ни лимон, ни таблетки. Шторы она боялась раздернуть – глаза резало от яркого света, и тут же подступала дикая головная боль. Ее тошнило, мутило, рвало. Лена лежала в постели мокрая, как суслик, и не могла даже дойти до ванной. Вызванная «Скорая» не находила никаких особых проблем и все время заглядывала в тазик, стоявший рядом с кроватью в надежде найти там следы отравления алкоголем или рыбой. Ее же рвало внутренностями и желчью. Для госпитализации, однако, показаний не находилось. И тогда Лена сама позвонила Зябкину, потому что ей просто стало страшно. Так было, когда сын вылетел с четвертого курса института, и только Зябкин каким-то чудом устроил ему академический отпуск, а потом заставил вернуться и защитить диплом.

– Зябкин, я умираю, – сказала она, набрав номер, который в телефоне значился как «Зябкин новый».

Зябкин перезвонил через пять минут и дал телефон врача, которому Лена тут же перезвонила. Минут десять она рассказывала молчащему абоненту про то, что умирает.

– Я вам не нужен, – сказал наконец врач.

– Как это не нужен? Мне ваш телефон дал Зябкин! – из последних сил прокричала в трубку Лена.

– Да, я понял, но я вам не нужен, – повторил врач.

- А кто мне тогда нужен? - возмутилась Лена.

- Позвоните в регистратуру и запишитесь к Ивановой, - ответил доктор и нажал отбой.

Лена была возмущена до крайности. Она перезвонила и еще минут пять упрекала доктора в равнодушии и в том, что он просто обязан помочь больному, любому, даже если ему звонят не от всесильного Зябкина.

- Елена, вы не мой пациент, - устало ответил врач. - Я заведующий реанимацией. Если вам нужна будет реанимация, я вам обязательно помогу.

Лена онемела и сама нажала отбой. Потом схватила телефон и набрала Зябкина. Тот говорил шепотом.

- Зябкин, я тебя убью при встрече. Подкараулю в парке и убью! И мне плевать, что тебя услышит жена. Я не твоя любовница, а однокурсница. Какого лешего ты дал мне телефон реаниматолога?

- Ты же сказала, что умираешь, - прошептал Зябкин.

- Прекрати шептать. Раздражает! Умираю, но мне нужен невролог!

- Прости. Я сейчас позвоню Лариске.

- Какой еще Лариске?

- Как какой? Моей второй жене. Она теперь Малкина. Ее муж - врач. Ты ему только что и звонила.

- Малкина, конечно, лучше, чем Зябкина, - рассмеялась Лена. - Я рада за твою Лариску. Она мне всегда нравилась.

- Да, Ларискин Малкин посоветовал нам отличного неонатолога. Про невролога сейчас узнаю.

Зябкин перезвонил и дал телефон невролога – той самой Ивановой, к которой посоветовал записаться Малкин.

Лена собиралась доехать, записалась на прием, но вдруг все прошло. Утром она проснулась, и будто не было ни тошноты, ни головокружения, ни рвоты. Она легко встала, отдернула занавески – солнце светило. Лена открыла форточку и не без удовольствия глотнула свежего воздуха. Потом заставила себя выйти на улицу и пошла через парк до дальнего магазина. Каждое утро она прислушивалась к собственным ощущениям, но приступы не возобновлялись. Правда, в голове крутилась мысль, что она собиралась сделать что-то важное, но забыла. Даже не помнила, с чем было связано дело. Так что все вернулось в прежнее русло. Слава богу, муж окончательно поправился и пропадал на даче целыми днями. Лена выбирала шторы, посуду и прочие бытовые мелочи.

Когда она получила сообщение от Карины: «Зябкин. Очень срочно», тут же вспомнила, каким было то важное дело – передать Карине новый номер Зябкина. Лена, чувствуя себя виноватой, тут же отправила телефон и лишь из вежливости поинтересовалась: «Что случилось?» – «Расскажу при встрече», – ответила Карина.

Лена, естественно, удивилась – не то чтобы они с Кариной были лучшими подругами, Карина скорее дружила с Катюхой.

«Встретимся в нашем кафе на пруду», – написала Карина. В этом кафе они всегда встречались с однокурсниками. Кто-то предлагал сменить дислокацию и пойти в модный ресторан или просто в другое место, но в результате все равно шли в кафе, чтобы не нарушать традицию. Карина говорила: «От добра добра не ищут» и «Лучшее враг хорошего». Наверное, она была права – еда оставалась вкусной и качественной. К тому же Карину и их компанию в кафе прекрасно знали и давали им скидку.

– Что-то случилось? – спросила Лена.

– Как там Зябкин? – вопросом на вопрос ответила Карина.

– Ой, ты не поверишь – превратился в подкаблучника. Курит тайком от жены. Ночи не спит – младшего на руках носит. Говорит, что счастлив, как никогда. А

номер сменил, потому что жена велела. Попросил ему звонить в будни в рабочее время, только не в выходные. Прости, что я сразу тебе телефон его не передала. У меня давление скакало, а потом совсем плохо стало – то ли мигрень, то ли старость, то ли еще что-то. Я позвонила Зябкину и сказала, что умираю. Так, представляешь, он дал мне телефон реаниматолога вместо невролога! Мне так стыдно было перед врачом. Кстати, помнишь его Лариску? Вторую жену? Она теперь Малкина – вышла замуж за врача. А этот Малкин как раз заведующий реанимацией! Главное, я помнила, что что-то должна сделать. Но просто из головы вылетело. Надеюсь, ничего страшного не случилось?

– Не знаю, страшное или нет. Просто хотела... посоветоваться... – задумчиво ответила Карина.

Это качество старосты все ценили: если Карине что-то непонятно, она не отстанет, пока не прояснит ситуацию. Мертвого из могилы поднимет, чтобы задать вопрос, чего бы он ни касался – расписания лекций, семинаров, дипломов. И если Карина чего-то не понимала, значит, дело точно серьезное.

– Ты помнишь Веру? – спросила Карина.

– Какую Веру?

– Первую жену Зябкина.

– Конечно, помню. Музыку преподавала. А что с ней?

Все его жены оказывались, так сказать, «полезными в хозяйстве», как называл это сам Зябкин. Вера была первой в этом списке. Преподаватель музыки, класс фортепиано. Почти все дети однокурсников прошли через ее руки с большим или меньшим успехом. Наташкина дочка даже в ЦМШ поступила и консерваторию окончила.

Развод с Зябкиным никак не отразился на Вериних взаимоотношениях с его однокурсниками. Она продолжала репетиторствовать, и однокурсники передавали Веру своим друзьям и друзьям друзей с лучшими рекомендациями. Она располагала к себе сразу же – всегда улыбчивая, с прекрасным чувством юмора, – могла найти подход к любому ребенку. Недостатка в учениках не испытывала никогда. Ей всегда можно было позвонить и произнести пароль:

«Ваш телефон дала мне однокурсница Зябкина», и Вера соглашалась посмотреть ребенка на предмет слуха и способностей.

Карина рассказала, что в последний раз разговаривала с Верой лет пять назад – ее давняя знакомая разыскивала педагога для дочки. Та собиралась бросить музыкальную школу, и требовался человек, который бы ее переубедил и заодно поднатаскал по сольфеджио. Карина связала знакомую с Верой, та согласилась позаниматься, и Карина со спокойной душой забыла об этой истории. С той знакомой она встречалась не очень часто и в следующий раз увиделась с ней почти через год. Карина спросила про уроки музыки с Верой, и знакомая ответила, что все было замечательно, но пришлось искать другого педагога. Карина пожала плечами – всякое бывает. Может, цена за урок не устраивала – Вера считалась дорогим педагогом. Может, расписание не совпадало. Но дурацкая привычка Карины прояснять ситуацию до конца заставила ее спросить о причинах разрыва.

– Понимаешь, даже не знаю, как тебе сказать. – Знакомой явно было неловко, и она бы предпочла обойтись без объяснений, но Карина настаивала.

– Не сошлись характерами? – подсказала Карина.

– Нет, не в этом дело. Просто мне показалось, что Вера Анатольевна... пьет. Точно не поручусь. Да и наговаривать не хочу на человека. На уроках она всегда была трезвой, естественно. Но иногда могла пропустить целую неделю. Говорила, что вирус подхватила. Или вдруг звонила и отменяла занятие – давление или в пробке застряла. У нее иногда голос так менялся, что казалось, она пьяная.

– Может, из-за болезни так разговаривала.

– Может, конечно. Поэтому мы расстались мирно. Педагог она действительно блестящий. Но я не знала, чего ждать. Регулярных занятий не получалось. Хотя не спорю, за одно занятие она могла дать то, что другие за пять, но все же.

– Странно. Вера обычно гоняла Зябкина, который любил выпить так, будто в последний раз. А сама никогда не пила. То есть не больше, чем все мы.

– Может, период у нее такой. Всякое бывает, – заметила знакомая.

Тогда Карина сама позвонила Вере узнать, как дела. Та была рада звонку, но ее голос тоже показался Карине странным. Или она себе напридумывала лишнего после разговора со знакомой. Вера говорила нормально, ну может быть, слегка замедленно. Но уж совсем пьяной она точно не была. Карина успокоилась.

Спустя еще полгода на встрече однокурсников Зябкин рассказывал, какой у него теперь есть дружбан в ГИБДД. Мировой мужик. Случайно познакомились – соседи продали дачу, и новый владелец оказался большим чином в автоинспекции. Да еще и грибником заядлым. Они с Зябкиным теперь за грибами вместе ходят. Любую проблему решит, если что. Верке вон права вмиг вернул.

– А что с Верой? – насторожилась Карина.

– Так бухую за рулем поймали! Лыка не вязала. Ну она мне, естественно, позвонила. Пришлось помочь, – хохотнул Зябкин.

– А она что, пьет? – уточнила Карина.

– Да откуда я знаю? Эта дурында в церковь ехала, машину новую освящать, – продолжал хохотать Зябкин, – а накануне поупку обмывала. Обмыла! С утра от нее несло так, будто она не только пила водку, а еще и плавала в ней.

Все это Карина пересказала Лене.

– Все равно не понимаю, чего ты всполошилась? – Лена пожала плечами. – С каждым может случиться.

– Тогда я не всполошилась, – продолжала рассказывать Карина, – тоже так подумала, с кем не бывает. Но Вера стала мне звонить. Почти каждую неделю. Вроде бы под уважительным предлогом – сообщить, что у нее есть место для ученика и если кому-то надо, то она с радостью возьмет. Или с праздником поздравить. Про Наташкину дочку рассказывала, какая та талантливая. Про Зябкина спрашивала, мол, сон ей приснился нехороший, вот она и решила узнать, все ли в порядке? Не чужой ведь человек.

– И что? – все еще не понимала Лена.

– А то, что она была странной. Не пьяной, но странной. Не знаю, как объяснить. Может, и пьяной. Но с ней точно что-то не так.

– Хорошо, допустим, Вера пьет. Что ты можешь сделать? В наркологическую клинику с помощью Зябкина ее положить? Карин, прости, но Вера тебе чужой человек. Ну вот совсем чужой. Пусть бы она сама Зябкину звонила на правах бывшей жены. Чего ты-то панику развела?

– Да, я все понимаю. Но тут совсем другое. – Карина тяжело вздохнула. – А вдруг Вера... мне показалось, что она сошла с ума. Или я сошла с ума. Я просто испугалась. Ведь мы ее всем знакомым советовали. Понимаешь? Она с нашими детьми занималась. Если что-то не так, надо всех предупредить. Но я же не врач. Знаешь, я только сейчас поняла свою знакомую, которая что-то чувствовала, но не могла объяснить и поэтому отказалась от уроков с Верой. Не будешь ведь наговаривать на человека. А узнать не у кого. У Веры же никого, кроме Зябкина, нет из близких. Вот я и хотела с кем-нибудь посоветоваться. Ее звонки, рассказы – я уже не знаю, чему и кому верить.

Вера, в очередной раз позвонив Карине, радостно сообщила, что ее пригласили преподавать в Германию. Она приехала туда к подруге в гости, а та занимается музыкой с детьми на дому. И как раз пришел ученик. Обычный мальчик, просто неусидчивый. Едва пять минут за инструментом мог вытерпеть. Подруга не в состоянии с ним справиться. Вера же так увлекла ребенка рассказом про три педали и вместе с ним ползала по полу, показывая, как меняется звук, что его родители попросили и дальше заниматься с их сыном. Подруга обрадовалась и привела Веру в местную музыкальную школу. Там ей чуть ли не с порога предложили контракт.

Карина, слушая Веру, поддакивала, говорила, что очень за нее рада. Вера сообщила, что вынуждена отказаться от всех учеников, потому что скорее всего переедет в Германию – сейчас как раз документы оформляются. И из консерватории придется уходить. Очень жаль, конечно, но что поделаешь. Ведь она давно мечтала уехать, здесь ее ничто и никто не держит. А там, глядишь, новая жизнь начнется. Вера вспоминала, как еще во времена юности оказалась в Германии и выиграла там конкурс. И, как всегда, мечтала вернуться именно туда – не важно, в какой город.

Еще через некоторое время Вера позвонила и сообщила, что из консерватории ее не отпустили. Чуть ли не на коленях стояли, просили остаться. Так что теперь она все время в самолете – летает в Германию на мастер-классы, а потом назад, сюда, к ученикам.

– Карин, и что? – все еще не понимала Лена.

– У нее аэрофобия, – объявила Карина, будто сообщала страшный диагноз. – Ты что не помнишь? Зябкин еще шутил по этому поводу! Они поженились и должны были улететь в свадебное путешествие. Зябкин тогда в Париж решил ее свозить. А она только в аэропорту ему сообщила, что боится летать и в самолет не сядет ни за какие коврижки. И они из аэропорта поехали на вокзал и взяли билет на ближайший поезд. Еще радовались, что до Сочи. Но мало того, что был конец октября и дождь лил все дни, так Зябкин к тому же отравился в первый же день пребывания и всю неделю из туалета не вылезал. Такая вот медовая неделя у них получилась.

– Может, она справилась с аэрофобией? Жизнь заставит – и не с таким справишься, – пожала плечами Лена.

– Я ей не верю, понимаешь? Просто нутром чувствую, что она врет. Про все, включая Германию.

– Хорошо, допустим, Вера пьет и не пойми зачем придумывает себе бурную активную жизнь и востребованность. Допустим, нет никакой Германии. Что ты хочешь от Зябкина? Чтобы он вывел свою бывшую жену на чистую воду? Узнал правду? Зачем? Зябкину-то это сейчас с чего сдалось? У него семья, дети, он счастлив. Он со мной шепотом разговаривал, чтобы жена не услышала. А ты хочешь ему про бывшую жену напомнить! Ну пусть живет спокойно!

– Лен, мне кажется, она болеет. А всем все равно. Думают, что Вера просто пьет. А вдруг ей на самом деле требуется помощь? Она ведь наша ровесница. Ну представь, если ты вдруг одна останешься и не будешь осознавать, что говоришь, – выдохнула Карина.

– О, господи, Карин! Я тоже болею. У меня то давление, то сосуды. Я вообще думала, что сдохну от приступов! С кровати не могла встать – потолок ловила. Нам всем уже не шестнадцать. Мы все с болячками. У тебя, вон, колени ноют на

погоду. У Зябкина грыжа. А Соколов? Во сколько его insult долбанул? Сорок шесть? Сорок семь? Так до сих пор не восстановился. Рукой не может двигать. Ну что поделаешь? Жизнь такая. Здоровья с годами не прибавляется.

- Да, я все понимаю. Сама так же рассуждала. Лен, ты можешь с Верой просто поговорить? Позвони, узнай, как она. Мне нужно независимое мнение. Пожалуйста. Иначе я не успокоюсь.

- Карин, я очень ценю твою заботу обо всех нас, но мне, если честно, плевать на Веру. Ну хочешь, отведи ее к неврологу или психиатру. Я ведь даже не врач. Да и не дружила я с Верой никогда. С чего вдруг я ей буду звонить? Наташку попроси, они ведь ближе общались. Или пусть дочка ее позвонит своему первому педагогу.

- Уже просила. Наташкина дочка сейчас за границей. У нее конкурсы бесконечные. А Наташка сказала, что Веру не видела и не слышала лет десять точно, - прошептала Карина.

- Подожди, как это? Ее дочка ведь у Веры занималась. И Вера помогла ей поступить. Разве нет?

- Вот! - закричала Карина. - Наташкина дочка занималась с Верой всего год! Понимаешь? Год!

- Не понимаю. Ведь дочка поступила в ЦМШ, потом в консерваторию.

- Да, все так. Но Вера не имела к этому отношения. Это мы так думали. Мы все. Мы сами так решили и всем рассказывали, потому что это... вроде как логично.

- А Наташка? Почему она не сказала? - удивилась Лена.

- Ее никто не спрашивал! Никто ведь не интересовался, как ее дочь в консерваторию поступила! Кто ее готовил? Мы просто порадовались и поздравили.

- Да, как-то странно, - согласилась Лена.

– Странно другое. После разговора с Наташкой я залезла на сайт консерватории. Веры нет в списках преподавателей.

– Может, они не всех указывают? Если она не на полной ставке, например...

– Ни одной ссылки на нее. Ни единой. Нигде не значится. Хотя, помнишь, она рассказывала, как ездила с учениками на конкурсы. И что один стал лауреатом. Или это не она рассказывала, а тоже мы домыслили. Так вот, нет такого педагога. В природе не существует.

– Хорошо, может, она сменила фамилию? Или конкурсы были не такими крупными и о них не писали в прессе? – Лена все еще пыталась найти разумное объяснение.

– Я тоже так думала. Пока не нашла вот это.

Карина достала планшет и показала Лене ссылку на сайт по подбору репетиторов. Там значилось, что Вера преподавала в кружке при Доме культуры, в Школе искусств, в музыкальной школе, но не в консерватории. Карина увеличила фото диплома – Вера получила специальность «музыкальный работник дошкольного учреждения».

– Получается, что она только «В лесу родилась елочка» играла? Детям в детском саду? – Лене вдруг стало нехорошо, ее даже начало подташнивать.

– Про детский сад не знаю. Но музыкальной школы под таким номером не существует, – тихо сказала Карина, – ни в Москве, ни в Подмосковье. Я специально выясняла. И Школы искусств такой нет.

– Может, переименовали? Номер сменился?

Карина хмыкнула. Можно было не сомневаться, что она подняла все данные и все перепроверила несколько раз.

– Подожди, я не понимаю, что получается? Вера все эти годы врала? – Лена ахнула. – Но ведь она занималась. Хоть год, но занималась. И твоя знакомая говорила, что педагог она хороший, даже блестящий. А Наташка?

– Не знаю, что и думать. Но ни у Наташки, ни у моей знакомой нет музыкального образования, – ответила Карина. – Они не могли оценить на профессиональном, так сказать, уровне.

– Смотри, тут есть отзывы. – Лена все еще не верила, что такое возможно.

– Да, и автору одного из них я позвонила. Даже не представляешь, с каким трудом я уговорила администратора сайта дать мне контакт. А до этого вытрясти правду: два отзыва написали знакомые сотрудников сайта по подбору репетиторов. Эта наглая девица еще удивилась: что, мол, такого? Так все делают! Только один оказался реальным. Я позвонила. Трубку взяла бабушка девочки, с которой Вера занималась. Состоялось всего пять или шесть занятий. Родители девочки были рады – Настюша играла «Жили у бабуси два веселых гуся». И даже начали верить в то, что их дочка талантливая, прирожденная пианистка. Всего несколько уроков – и такой прогресс! На радостях они позвали бабушку, чтобы продемонстрировать успехи внучки. У бабушки за спиной оказалась не только музыкальная школа, но и училище. И она как раз всю жизнь отработала музработником в детском садике. Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы оценить обстановку и спустить родителей с небес на землю.

Настюша тайком, под большим секретом, за шоколадку и коробку зефира, призналась бабушке, что не хочет заниматься музыкой. И ноты эти терпеть не может. И вообще ничего не понимает в этих кружочках и палочках. А учительница, Вера Анатольевна, сказала, что она будет играть, а Настюша будет запоминать, на какие клавиши нажимать.

У Настюши оказалась хорошая зрительная память, и она не особо напрягалась, запоминая клавиши. Но ни к музыке, ни к образованию этот навык не имел отношения. Поэтому бабушка сказала, что им с Верой Анатольевной пришлось расстаться.

– Почему же вы оставили хороший отзыв? – уточнила Карина.

– А зачем портить жизнь человеку? – объяснила бабушка. – Я ж все понимаю. Лишняя копейка никому не помешает. Время сейчас тяжелое.

– Получается, что Вера... – Лена потерла виски, все еще не понимая, как реагировать на рассказ Карины.

– Нет, она не врала. Ей и не приходилось. Это мы за нее все придумали и создали ей биографию. Ну если я порекомендую тебе репетитора и скажу, что она преподает в консерватории, ты будешь проверять? Нет. Вот так и с Верой. Мы рекомендовали ее знакомым, а они доверяли. Нам. Понимаешь, о чем я говорю? Если Вера больна, а мы промолчим, это останется и на нашей совести. Ладно, если просто пьет. А вдруг она навредит ребенку? Не знаю... Испугает, например. Или даст ложную надежду родителям. Я не могу. Чувствую свою вину. Ведь я Веру тоже многим рекомендовала.

– Хорошо, допустим она придумала себе преподавание в консерватории. Допустим, она не такой великий педагог, как мы считали. Что мы можем сделать? Ведь нет никаких доказательств. Да и Зябкин не поможет. А чем?

– Да, я понимаю. Просто она мне звонит, понимаешь? Регулярно. Будто я ее лучшая подруга. Рассказывает про учеников, не знаю уж – реальных или выдуманных. Не знаю, как с ней разговаривать.

– Не отвечай на ее звонки, – посоветовала Лена.

– Да, я так и хотела. Но не смогла. Не знаю почему. Вера мне всегда нравилась. Понимаешь? Она была яркой, доброй, искренней. И талантливой. Ты ведь помнишь, как она джаз играла? Я ею восхищалась. Наверное, потому, что у меня не было ни одного таланта – я не умела танцевать, петь, играть. Поэтому Вера меня всегда завораживала. Да все мы ее обожали.

Лена помнила. Вера садилась за раздолбанный, ненастроенный инструмент, случайно оказавшийся на чьей-то даче, и играла так, что все плакали. Душой компании становилась она, а не Зябкин. Лишь Вера могла его затмить. В нее влюблялись как в человека. Она очаровывала сразу же. С ней хотелось сидеть, слушать ее истории из консерваторской жизни, хохотать. Вера все делала с артистизмом – и ела, и пила. Много, в удовольствие. Она сама прекрасно готовила и всегда приезжала на посиделки то с пирожками, то с блинчиками с мясом. Могла привезти целый таз капусты собственного засола. Или раздать всем в подарок банки с компотом из персиков – тоже собственноручно закрученных. С Верой было легко и весело. Она заряжала зверским аппетитом и диким, непреодолимым желанием напиться, танцевать до упаду, петь во все горло и гулять до утра. Именно поэтому на ней женился Зябкин, замороженный

ее харизмой и яркостью. Поэтому с ней общались все его однокурсники, единогласно приняв ее в свой круг, куда остальные жены и мужья не допускались. Бытовые заботы, размеренная жизнь тут же забывались, если появлялась Вера.

Один раз – Лена это помнила прекрасно, будто вчера все произошло, – Вера привезла целую, неразделанную баранью тушу. Бог знает, где она ее достала. И положила ее на балконе. Зябкин тогда обзвонил всех с криками о помощи – он не мог на балкон выйти покурить, потому что на балконе поселился баран. Вера тем временем рубила тушу, доставала внутренности и, легко орудуя топором, советовалась с Зябкиным: может, из кишок колбасу накрутить? Зябкина тошнило, мутило, и его пугал вид радостной жены с топориком наперевес. Вера потом раздавала этого барана всем знакомым – Зябкин объявил, что ни куска в рот не возьмет. А Вера хохотала и рассказывала всем, что у Зябкина чуть сердечный приступ не случился, когда он увидел бараньи кишки.

От Веры можно было ожидать чего угодно. После барана она нашла пчеловода и стала закупать мед и прополис в промышленных масштабах. Но у Зябкина вдруг началась дикая аллергия, чего раньше не замечалось. После яблок, запеченных с медом, он чуть концы не отдал. Вера его откачала, но мед пришлось раздавать. Вера опять хохотала, легко расставаясь с припасами и говорила «на здоровье». Зябкин же даже свой любимый торт медовик перестал есть.

Их яркий событиями и происшествиями брак был обречен или на полный провал, или на долгое существование. В какой-то момент Зябкин признался Карине, что или сдохнет рядом с Верой, или сбежит от нее. Еще неизвестно, что лучше.

Как мужчина он, безусловно, страдал – жена затмевала его во всем. Но с этим он готов был смириться. Ужасно было другое: с Верой он вдруг стал страдать всеми заболеваниями сразу, хотя до этого на здоровье не жаловался. Стоило ей подобрать на помойке кота – странное существо с глазами разного цвета, неправильным прикусом и взглядом убийцы, которого она считала самым красивым в мире, как у Зябкина началась сильнейшая аллергия на кошачью шерсть. Он задыхался, краснел, глаза слезились. Кота он ненавидел, тот отвечал взаимностью, гадя в зябкинские ботинки и укладываясь аккуратно на его подушку. Как-то ночью у Зябкина случился такой приступ, что чуть до анафилактического шока не дошло. После этого кота пришлось пристраивать в добрые руки. Кот давно жил у других хозяев, а Зябкин все еще чесался, покрывался пятнами, проветривал квартиру, поскольку ему чудился запах кошачьей мочи. Все

костюмы он сдал в химчистку, но даже после полной дезинфекции находил шерсть то на брюках, то на пиджаке.

Когда Вера поставила в комнате аквариум с рыбками, у Зябкина появился лающий кашель. Он ходил по врачам, сделал флюорографию, стал подозревать у себя неизлечимое заболевание, чуть ли не с жизнью прощался. Глотал зонды, чтобы проверить гортань. Пил сиропы и таблетки. Ничего не помогало – он кашлял так, будто работал на рудниках. Рыбки при всем этом ему нравились, и он каждый вечер подходил к аквариуму и сыпал корм. Лишь один врач совершенно случайно обнаружил причинно-следственную связь и заподозрил аллергию – на рыбий корм.

Аквариум отдали в местный детский сад, а Вера завела пуделя, которого назвали Шурик. Зябкин любил собак, но на расстоянии. Пудель же полюбил его страстно, с первого взгляда, и признал единственным хозяином. Зябкину понравилось выходить по утрам, выгуливая Шурика, он наслаждался свежим воздухом и прогулками. По вечерам спешил домой, чтобы выйти с Шуриком на вечерний променад. Но прошел всего месяц, может, чуть больше, как Зябкину снова поплохело. Его тошнило, мутило, настигали приступы рвоты. Он списывал все на еду, погоду и стресс. Опять ходил по врачам, которым рассказывал, как проходил быстрым шагом минимум по пять километров в день и так прекрасно себя чувствовал, как никогда. И лишь один врач, тот же, что выявил аллергию на рыбий корм, заподозрил у Зябкина глистов. Самых обычных. Зябкин диагноз отверг категорически – откуда глисты? Он ведь даже суши не ест! Врач сказал, что суши – не единственный источник заражения, так сказать. И поинтересовался, не нашли ли замену рыбкам. Зябкин ответил – нашли. Пса Шурика. Но от него никакой аллергии, одна радость и польза для здоровья, в том числе психического.

– Он меня любит, – чуть не плача, признался Зябкин врачу.

– Это понятно, – ответил тот и поинтересовался, не давали ли Шурику таблетки от глистов. Зябкин ответил, что нет, не давали. Откуда у Шурика глисты? Он тоже суши не ест. Врач прописал таблетки и Зябкину, и Шурику. Сданный анализ на яйцеглист подтвердил диагноз. Зябкин быстро пошел на поправку, а Шурик совсем плохо выглядел, в один из дней не смог даже встать. Ветеринар констатировал сердечно-сосудистую недостаточность.

– Частое заболевание у этой породы. На генетическом уровне, – пожал плечами врач.

Шурик умер. Зябкин страдал. И объявил Вере, что больше домашних питомцев они не заведут. Ни рыбок, ни мышек, ни тем более собаку. Иначе у него, у Зябкина, сердце остановится.

Тогда Вера завела цветок, который поставила на холодильник. Зябкин даже не заметил, что на холодильнике что-то зеленеет. В тот же вечер он открыл дверцу холодильника, чтобы взять кефир, и цветок, стоявший в увесистом горшке, упал прямо ему на голову. Зябкин недоуменно смотрел на рассыпанную по полу землю, расколотый горшок и красные капли, которые падали на осколки. Зябкин никак не мог понять, откуда капает, пока не дотронулся до собственной головы. Пришлось ехать в травмпункт, где он чувствовал себя очень неловко, рассказывая, что стал жертвой цветка. Медсестра ему даже не поверила.

– Небось, жена сковородой припечатала? – уточнила она.

Зябкину было не столько больно, сколько обидно. Особенно после того, как врач сообщил, что легкое сотрясение мозга все же присутствует. Так что лучше в ближайшее время лежать, резких движений не делать и вообще себя поберечь. Таблеточки еще попить. И валокординчик на ночь не помешает.

Зябкин уже всерьез опасался за собственную жизнь. Он себя берег, как мог. Но, едва оклемавшись от сотрясения, снова получил бытовую травму. Вера всегда сбрасывала туфли и сапоги как попало. Зябкин сто раз просил ее убирать туфли на специальную подставку или молча делал это сам. В тот вечер он вернулся домой, разулся, убрал ботинки и в следующее мгновение споткнулся о туфлю жены, больно наступив на каблук. На ногах Зябкин, естественно, не удержался и рухнул на пол как подкошенный. Попытка подняться не увенчалась успехом – голеностоп горел и раздувался на глазах. В травмпункте констатировали растяжение связок. Врач опять посоветовал беречь себя. «По возможности», – добавил он, и Зябкин понял, что не жилец.

Про семейную жизнь Зябкина знали все друзья и ждали новых подробностей. Хохотали. Только Зябкину было не до смеха.

Его терпение все же лопнуло, и он решил с Верой развестись. Не из-за непримиримых противоречий, а потому что боялся скоростижно скончаться от инфаркта, как бедный Шурик. Еще тогда Зябкин спрашивал у ветеринара, почему у Шурика начались проблемы с сердцем. Ведь все же было хорошо!

– Стресс, у собак он тоже бывает, – пожал плечами врач.

Тогда Зябкин подумал, что именно Вера могла стать источником стресса для Шурика. Может, и на него что-нибудь ненароком падало?

Так вот, Зябкин решил развестись, о чем объявил однокурсникам. Мол, все, последняя капля. Очень жить хочется. Не готов еще умирать. Молодой, а нервы уже в труху. Да и давление скачет. Естественно, все потребовали подробностей «последней капли».

Зябкин пришел домой, промокнув до нитки, – лил дождь, зонт забыл. Да еще и на работе день выдался тяжелым. Он пошел в ванную, намереваясь постоять под горячим душем, чтобы согреться и расслабиться. Разделся, встал, собирался уже включить душ, как почувствовал, что ноги уже мокрые, да еще и в ванной он явно находится не один. Зябкин поднял одну ногу, будто это могло его спасти, и, преодолевая страх, посмотрел вниз. На какой-то миг он представил себе ванну, полную крови, и тянущуюся к его лодыжке из слива руку, которая хочет хватить за лодыжку и утопить его в этой кровище.

В ванне плавал осетр. Зябкин, после случая с тушей барана на балконе, испытывал брезгливость ко всем видам мяса и морепродуктов в натуральном, так сказать, виде. К живым рыбам после проявившейся аллергии на корм, он тоже относился с опаской и воспринимал лишь в виде стейков или филе, естественно, без головы, а желательно в виде рыбных котлет. Креветок и раков не ел, причина оставалась необъяснимой. На субпродукты даже смотреть на мог, от одного запаха мутило. Зато Вера, напротив, любила именно субпродукты – печенку, куриные сердечки в бульоне. А рыбу любила разделать непременно лично. Не говоря уже о том, что за воблу, да еще и с икрой, да под пиво могла жизнь отдать. Зябкин, так уж получилось, пиво не любил. И с неподдельным ужасом смотрел, как женщина, называвшаяся его женой, выгребает из внутренностей воблы икру и поглощает ее с животным аппетитом.

Поскольку про осетра Вера его не предупреждала, то Зябкин заорал как ошпаренный и выскочил из ванны. Осетр продолжал нарезать круги по ванне. Вот в тот вечер Зябкин и объявил Вере, что они разводятся.

- Из-за осетра? - уточнила она.

- Нет. Из-за всего, - ответил Зябкин.

- Хорошо. Давай завтра. Сегодня должны твои друзья в гости прийти. Поэтому я осетра купила, - спокойно ответила Вера.

Зябкин вспомнил, что действительно сегодня ожидалось гости, которых он в тот момент желал видеть меньше всего. Зябкин взял книгу, потом включил телевизор, но перед глазами все равно стояла другая картинка - как Вера заходит в ванную, вылавливает осетра, тюкает его по голове, потом разделявает, доставая внутренности, промывает от крови. Зябкину поплохело не на шутку.

За ужином, на котором все нахваливали запеченного под сметанным соусом осетра, Вера рассказывала, как осетр чуть не умер от сердечного приступа раньше времени, поскольку на него наступил Зябкин. Все хохотали. Зябкин смотрел на собственную жену, которую все обожали, слушал, как она играет джазовые импровизации, как успевает подавать, уносить тарелки, рассказывать анекдоты, и прекрасно понимал, что будет выглядеть полным идиотом, если разведется. Он пытался рассказать, какой испытал кошмар, почувствовав под ногой нечто живое, как представил ванну, полную крови, но все лишь хохотали. И жаждали подробностей. Вера с артистизмом изображала, как вопил Зябкин, как он выскакивал из ванны и как перепугался бедный осетр перед смертью. Все уже не просто смеялись, а рыдали от приступа хохота.

Зябкин не знал, что делать. Не понимал, как избавиться от Веры. Лишь чувствовал, что с ней он точно не жилец. Баран, рыбки, Шурик, осетр. Он точно следующий в списке.

К счастью, Вера бросила его сама. Влюбилась и ушла с головой в роман и новые отношения. Зябкина все успокаивали, жалели, он кивал и одной Каринке признался, что только рад такому повороту сюжета. Веру он начал бояться. Пребывание дома наводило на него ужас - Зябкин смотрел под ноги, задирал

голову, чтобы предупредить падение сверху тяжелых предметов.

Вера клятвенно заверила Зябкина, что они останутся друзьями, он может ей звонить в любое время и, пока он не женился второй раз, приезжала и готовила бывшему мужу его любимые куриные котлеты.

Ее же роман закончился достаточно быстро. Впрочем, по слухам, у Веры снова кто-то появился. Замуж она больше вроде как не хотела. Дети? Вере, еще в браке с Зябкиным, поставили диагноз «бесплодие», который она приняла спокойно. Говорила, что ей на работе детей хватает. И еще не известно, осталась бы она хорошим педагогом, если бы стала матерью.

– Иногда она пропадает. На несколько месяцев. Может, она перестанет звонить? – спросила Карина у Лены. Лена пожала плечами.

На традиционной встрече однокурсников Карина сидела сама не своя. Зато Зябкин, вырвавшийся из семьи, старался получить удовольствие по максимуму. Он пил, ел, всех смешил, обещал пристроить на работу только что родившихся внуков, был душой компании и даже собирался плавать в пруду, непременно голым. Зябкин в тот вечер снова стал таким, каким его все привыкли видеть. Он рассказывал, что завел себе новый номер телефона – секретный, для звонков старых друзей, и радовался, как подросток, удачно спрятавший сигареты за батареей. Он вдруг начал гладить Катюхину коленку, и та, обалдев, старалась не делать резких движений ногами. В середине вечера Зябкин сообщил, что девочки и мальчики могут заказывать любые напитки – за его счет.

– Карин, ты чего такая опрокинутая? – под села к ней Ленка.

– Смотри. – Карина достала телефон и нашла ссылку.

На сайте репетиторов висела фотография Веры с указанием цены за занятие и прочими условиями.

– И что? Ты опять? Я думала, успокоилась, – сказала Ленка.

– Читай. Там появилась новая запись. – Карина сунула Лене под нос телефон.

Лена прочла. Ей вдруг поплохело.

– Сказать Зябкину? Как думаешь? – спросила Карина.

– Не знаю. Может, это специально? Для привлечения клиентов? Чтобы родителям было спокойнее? Как это называется? Маркетинговый ход? – промямлила Лена.

– Я ее видела. Веру, – призналась Карина. – Она мне позвонила. Совсем пьяная. Что-то мычала в трубку. Просила приехать. Сказала, что ей плохо и не к кому больше обратиться. Я сорвалась и поехала. Лен, ты не представляешь, что я увидела. Это больше не Вера. Не та Вера, которую мы знали. Грязная квартира, она сама вся в язвах, струпьях каких-то. Не мылась давно. Вонь в квартире. Бутылки по всему дому. Она ужасно растолстела. На полу валялись инсулиновые шприцы. Я вызвала «Скорую». Мне было так стыдно, ты не представляешь. Ее вообще забирать не хотели – говорили, машина провоняет, не отмоешь. Мол, только бомжихи им не хватало. Хорошо, что у меня с собой деньги были. Знаешь, что меня потрясло? На видном месте, на кухне над столом висел листок с телефонными номерами. Она написала цифры красным фломастером, а имена – разными цветами. Будто она ребенок и ей доверили оформить классный уголок. Там был старый номер Зябкина, подчеркнутый двумя красными линиями. Телефон Катюхи и мой.

– Катюхи? – удивилась Лена.

– Ну помнишь, они еще дружили против Зябкина? Недолго, правда. Катюха, на правах бывшей, еще ревновала Зябкина к Вере, а потом они подружились.

– Да, что-то было, – припомнила Лена.

– Она больной человек, – продолжала Карина. – И все это время болела. Понимаешь? Она одна, совершенно. Никого нет. Не знаю, на что она живет. В квартире ее фото с Зябкиным, с нами. Помнишь, ее инструмент? Старое пианино, раздолбанное, не ценное вовсе, а Вера над ним тряслась. Она его даже к Зябкину перевезла после замужества. Так вот, инструмента в ее квартире не было. Продала, наверное. Я открыла холодильник, и мне стало плохо. Помнишь, она всегда готовила, на рынки ездила, доставала продукты... В холодильнике было абсолютно пусто. Только стухшее сливочное масло и огрызки колбасы. Вонь страшная, плесень. Даже не знаю, что она ела и ела ли вообще.

– О, господи, кто бы мог подумать. – Лена не знала, что сказать.

– Я могла подумать! Я! Ведь чувствовала, что что-то не так. Не сходится. Теперь думаю, я могла ей помочь, если бы раньше спохватилась.

– Ты не знала, не могла знать. Она же звонила тебе в нормальном состоянии.

– Да, я тоже себе это постоянно твержу. Но после того вечера, когда Веру в больницу отвезла, спать не могу. Закрываю глаза и вижу этот пустой вонючий холодильник, плакат над кухонным столом и ее саму – грязную, больную, жуткую. Потом, уже в больнице, я даже не знала, что делать. Все думали, что я ее родственница, и смотрели на меня так, будто я виновата. Я твердила, что я просто знакомая. Но именно в тот момент за Веру отвечала именно я. Она была в неадекватном состоянии. Мне пришлось вернуться в ее квартиру, найти документы, перерыть рабочий стол, чтобы найти хоть кого-то из родственников. Никого. Понимаешь? Ни одной живой души. Ни одной фотографии. Будто ее жизнь началась с появления Зябкина и закончилась после развода. В шкафу висели вещи Зябкина, в коридоре стояли его тапочки. В ванной – две зубные щетки и пена для бритья.

– Может, у нее был мужчина?

– Ты думаешь, я не проверила? Пена просроченная, засохшая, а тапочки я помню – клетчатые. Мы их Зябкину подарили. Я еще деньги собирала, чтобы купить кожаные, крутые. Они в коридоре и стояли. И вещи... Зябкин в том костюме, что в шкафу висел, диплом защищал. Помнишь, появился весь такой модный, костюм в полосочку. Столько лет прошло... А у нее – ни чистого халата, ни тапочек. Ничего. Я ей вещи свои отвезла в больницу.

– Кошмар, даже не верится...

– Врач мне сказал, что они не знали, за что хвататься – диабет, трофические язвы, абстинентный синдром, сердце, гипертония. Они ни знали, с какого места начинать откачивать.

– Карин, ты молодец. Нам всем с тобой повезло, – сказала Лена, – если бы не ты...

– Я... Вера меня не узнала, – призналась Карина, – понимаешь? Я ей говорила, что однокурсница Зябкина, но она не вспомнила. Она сама себя не помнила. Только гладила рукой чистую простыню и укрывалась одеялом. Повторяла все время, что подушка у нее наконец хорошая, удобная. Волосы свои трогала, а потом пальцы нюхала и улыбалась – я нянечкам заплатила, чтобы ее мыли регулярно. Мне так страшно было приезжать в больницу. Но она ждала. Один раз расплакалась – соседке по палате яблоки привезли, а она даже не поделилась. Вера яблок просила. Я купила самые дорогие, красные, сладкие, а она опять расплакалась. Не такие хотела. И показала на тумбочку соседки – там лежали мелкие, мятые, явно с дачи кто-то из родственников падалицу привез. Я купила мелкие. Она радовалась, нюхала эти яблоки. Я спрашивала, почему она их не ест, а Вера ответила, что потом варенье сварит. Очень любит варенье, чтобы дольки яблочные попадались. Как в детстве. Я спросила, кто ей такое варенье варил. Может, бабушка или мама? Вера не ответила. Знаешь, она будто в ребенка и в старушку превратилась, причем одновременно. По реакциями – ребенок, а с виду – старушка. Не могу... Честно... Не знаю, как тогда выдержала. Я бы и дальше ходила, навещала, но Вера меня выгнала. Да, я знаю, что она была не в себе, что взять с больного человека? Но она вдруг стала нормальной. Шутила, всех смешила. Медсестры ее обожали. Меня Вера тоже, наверное, узнала. Иначе зачем она попросила не пускать меня в ее палату? Не знаю почему. Точнее, догадываюсь. Я могла разрушить ее легенду, я стала угрозой ее разоблачения. Мне пришлось уйти. Наверное, надо было настоять, не бросать Веру.

– Когда это произошло? – спросила Лена.

– Месяц назад. Наверное, она пролечилась и вышла из больницы. Я заходила на сайты репетиторов, так, на всякий случай. И вчера наткнулась вот на это.

Лена смотрела на выставленное на сайте репетиторов фото Веры времен их общей молодости. Она стоит рядом с Зябкиным, счастливая, хохочущая. Рядом двое маленьких детей – дочка Наташки и сын Каринки. Лена прекрасно помнила, когда было сделано это фото – Карина тогда сняла целый этаж в пансионате, чтобы все однокурсники могли приехать с женами и детьми. Устроила семейный выезд на природу. Они жарили шашлыки, парились в бане, дети бесились. Все фотографировались. Тогда, в тот день, много лет назад, Вера попросила сфотографироваться с детьми и хохотала, что теперь точно забеременеет и родит Зябкину как минимум троих. Все смеялись и говорили, что Зябкину пятерых надо, чтобы он до старости чувствовал себя молодым отцом. День был

солнечным, счастливым и радостным. Вера нашла в пансионате музыкальную комнату с инструментом и горланила с детьми детские песни – от «Три белых коня» до «Расскажи Снегурочка, где была». Взрослые подпевали. И все были рады за Зябкина и твердили, как ему повезло с женой.

Под фотографией на сайте по подбору репетиторов, где Вера была запечатлена с бывшим мужем и чужими маленькими детьми, которые в настоящий момент были уже взрослыми людьми, стояла подпись: «Замужем, двое детей. Оба занимаются музыкой с двух лет. Имею опыт работы с маленькими детьми, в том числе с синдромом гиперактивности, дефицитом внимания и другими особенностями развития. Готовлю к поступлению в музыкальное училище и консерваторию».

– Теперь ты понимаешь, что все было враньем, от начала до конца? – Карина чуть не плакала. – Как мы могли ей верить? Столько лет? Она даже Зябкину врала!

– Но она никому не навредила, ведь так?

– Но могла. А теперь люди будут звонить и приглашать к своим детям. То, что она написала, эта фотография – это ведь обман. Вера – больной человек. Ее нельзя подпускать к детям!

– Согласна. Что ты хочешь сделать? – спросила Лена. – Мы можем написать на этот сайт репетиторов, что информация недостоверна.

– Она на всех сайтах. Их как минимум десять. Я проверяла. – Карина выдохнула и велела официантам подавать горячее.

– Тогда мы напишем на все сайты, где есть ее анкета, – предложила Лена.

– Я уже написала. Никто ничего проверять не будет. Я разговаривала с администраторами. Они все в один голос говорили, что сейчас все так делают – приукрашивают действительность. На одном сайте сообщили, что уже подобрали Вере двух учеников. И это в их интересах – им ведь тоже нужен свой процент. Если Вера получит ученика, она будет обязана отчислить им деньги, что уже и сделала. Так что к ней никаких претензий. А что будет дальше – их не волнует. Они посредники, только и всего. Многие преподаватели пишут, что их

ученики получают сто баллов на ЕГЭ, поступают в лучшие вузы. Всех не проверишь. Если нанимателям интересно, они должны сами проверить документы, дипломы и попросить рекомендации бывших учеников и родителей. Но всем, как правило, хватает того, что ребенок час под приглядом чужой тетки, пусть даже сумасшедшей, тыкает по клавишам пианино и не мешает маме сидеть в соцсетях.

- Ты Зябкину сказала? Про больницу?

- Сказала, конечно. Он все оплатил и сделал так, чтобы Веру не перевели в психушку. Он приезжал в больницу к Вере, видел ее. Был и у нее в ее квартире. У него шок. И я его прекрасно понимаю. Он сказал, что готов все оплатить, лишь бы Вера не узнала его новый номер телефона и не нарисовала его цветными фломастерами на плакате. Он взял с меня обещание, что я никому ничего не скажу. Знаешь, ему было по-настоящему страшно, когда он увидел свои тапочки и костюм времен юности.

- Вера его узнала?

- Нет. Зябкин даже обрадовался и выдохнул.

- А Зябкин не знает про родственников Веры? Может, он знакомился с кем-то, когда собирался жениться на ней?

- Вот это самое удивительное. Не знает и не знал. Вера ему говорила, что ее отец вроде бы умер, а мать живет... он даже не помнил, в каком городе: Саратов, Самара, Саранск. Помнил, что Вера любила в города играть и всегда выигрывала. Вроде бы она единственный ребенок в семье, ни братьев, ни сестер. Он ведь всегда смеялся, что ему повезло - женился на сироте, и теща не приезжает с проверками. Я облазила всю Верину квартиру и нашла лишь один диплом - автодорожного института. Ни трудовой книжки, никаких старых удостоверений, ничего. Что делать? Делать запрос? Куда? Я постоянно думаю о том, чего не знаю. Что мы все скрываем друг от друга? Может, мой муж тоже не тот, за кого себя выдает? Или Зябкин? Ты знаешь где он работает? Нет. Никто не знает. Неужели теперь всех нужно проверять, прежде чем довериться? И я не знаю, рассказывать ли ему про это фото, появившееся на сайте.

– Смотри, Зябкин танцевать пошел. Ему хорошо. – Лена показала на центр зала, где Зябкин отплясывал рок-н-ролл. – Ты знаешь, когда у кого день рождения, кто прогуливал лекции. Ты была рядом, когда я хоронила отца. Помнишь? На третьем курсе. Ты поздравляла нас с рождением детей, свадьбами и помогала пережить неприятности. Помнишь, как мы у Наташки клеили обои на кухне? Ты организовываешь эти встречи и не даешь нам забыть друг о друге. Разве этого мало? Да, это наш мир, созданный не без твоей помощи. Мирок, в котором мы уверены на сто пятьдесят процентов. У других и такого нет. Давай ничего не будем говорить Зябкину. Пусть Вера живет в своем мире. А то, что она делает... Может, администраторы сайтов и правы – каждый имеет право на то, чтобы придумать себе другую жизнь. Как сделала это Вера. Ты несла ответственность за весь наш курс. Но Вера – это не выдача проездных, не устройство в общежитие и не смена расписания семинара. Оставь ее. И перестань следить за ее жизнью.

– Так нельзя, – расплакалась Карина.

– Можно. Если речь идет о Зябкине с его новой семьей, в которой есть дети. Вера может разрушить их мир. Она уже начала разрушать тебя, твою жизнь.

Карина потом рассказала, что Вера ей звонила. Рассказывала, как провела отпуск в Хорватии, как ее ученик стал лауреатом конкурса и что она опять собирается замуж. Жених – немец. Познакомились в той школе, где она стала приглашенным преподавателем. Взяла с Карины обещание прилететь на свадьбу. Про то, что именно Карина вызвала «Скорую» и отвезила ее в больницу, договаривалась с врачами, Вера не помнила. У нее было все хорошо. Просто прекрасно.

Галюсик

Лиза смотрела в одну точку.

– Вы понимаете? Она... не чувствует, что виновата. Совсем. Разве это нормально?

– Конечно, нет. Чем я могу помочь? – Лиза лишь усилием воли заставила себя посмотреть на Регину, соседку сверху. Та проверяла рукой чайник, не понимая, почему он остается холодным. От волнения она забыла нажать на кнопку.

– Чем тут поможешь? – Регина взяла чайник и даже его потрясла, надеясь, что тряска поможет.

– На кнопку нажмите, – подсказала Лиза.

– Что? – Регина отставила чайник, налила воду в кастрюлю и поставила на плиту. – Лиза, вы понимаете, если бы она хотя бы извинилась или как-то иначе выразила сожаление... Меня это просто убивает. И я не могу выйти на улицу! Боюсь столкнуться с ней в лифте или в подъезде. Но почему я должна бояться ее? Не понимаю, что с этой техникой случилось. Плита тоже не работает.

– Надо включить.

– Что? Да, конечно, включить. – Регина вернулась к чайнику и проверила розетку. Потом еще раз потрясла.

– Мама всегда была такой. У нее проблемы с осознанием вины. Боюсь, она не знакома с этим чувством. Она искренне не понимает, что такого натворила. – Лизе тяжело давался разговор с соседкой. Тяжелее, чем предполагала.

– Как это не понимает? – Регина дернула рукой и уронила на пол чашку, в которую собиралась налить чай.

– Так. Я не знаю, что сказать. Мне правда очень стыдно. И очень жаль. Понимаете, я не боялась к вам подниматься, смотреть вам в глаза, приносить извинения. Знала, что вы меня поймете. А к ней не хочу спускаться. Заставить себя не могу. Я должна, обязана, но у меня нет ни сил, ни желания разговаривать с матерью. Хочу побыстрее отсюда уехать, – вдруг призналась Лиза.

– Да, ты рано сбежала из дома, я помню. – Регина собрала осколки. Чашка раскололась на четыре части, и соседка пыталась собрать пазл, приставляя осколки друг к другу.

– А где ваша собака? Я помню, у вас была белая болонка, кажется. Вы ее так любили, гуляли. – Лиза сделала попытку перевести неприятный разговор на другую тему.

– Ханя? Умерла, слава богу. Лет шесть назад. Я ее терпела из-за Лени. Он ее завел и обожал. Прямо облизывал, разве что в попу не целовал. А в нос и в рот целовал. Или пасть? Как правильно? Не важно... Меня тошнить начинало. У Хани изо рта несло, как из помойки. Леня еще и сюсюкался как полоумный: «Ханечка, иди сюда, девочка. Поцелуйчики...» Не знаю, как я терпела. Знаешь, я с мужем много лет в губы не целовалась – все время представляла себе, как он сначала прикасается губами к носу Хани, а потом к ее шерсти вокруг рта. Меня даже сейчас подташнивает от воспоминаний. Ханя была брехливой, вредной и дурной собачонкой. Бывают умные собаки, а эта же – дура дурой. Леня так убивался, когда она сдохла, а я вздохнула с облегчением. Шерсть ее повсюду. Ханя сдохла, а я еще год квартиру от ее шерсти отмывала и отчищала. Леня хоть новую собаку не стал заводить, и на том спасибо. Я его убедила, что никто не заменит Ханю. И он кивал, соглашаясь. А я гадала: стал бы он убиваться так по мне, если бы я умерла? Наверняка нет. И тут же бы заменил меня новой женщиной.

– Я думала, вы ее очень любите, – искренне удивилась Лиза.

– Я тоже думала, что Леня меня любит. Ну, в смысле, что он не станет меня огорчать. Надеялась на это. Ладно по молодости, я на многое глаза закрывала, но сейчас... Даже не обидно, я просто не знаю, что думать. Поэтому, наверное, мне так плохо. Когда сталкиваешься в зрелом возрасте с тем, чего не понимаешь, – страшно становится. Нет, даже не страх, а недоумение и бессилие, как перед стихийным бедствием. Будто у меня в доме, в моей семье случилось извержение вулкана или наводнение. А я не знаю, как поступить в таком случае. И брак не застрахован, как может быть застрахована квартира. У тебя такого никогда не было? Наверное, нет. Ты еще молода. Знаешь, я честно не знаю, что делать. У тебя было такое? Когда вроде бы нужно собирать теплые вещи, документы, чемодан и бежать со всех ног, а ты стоишь в ступоре. И все вокруг кажется нелогичным и абсурдным. И еще пошлым.

Регина дернула за шнур чайника и воткнула снова. Выключила и включила плиту. Открыла холодильник и застыла в недоумении.

– Тебя чем-нибудь угостить? – спросила соседка.

– Нет, спасибо, – ответила Лиза. – Я никогда не знала, чего ждать завтра – ни в детстве, ни в юности, ни сейчас. Когда мама мне позвонила, после... этого... всего, что случилось, я не собиралась ехать. Хотя понимала, что должна приехать. К вам. А мама ведь обрисовывала ситуацию, будто пересказывает забавную сплетню. Именно это меня убило. Я хотела с вами поговорить. Извиниться за нее. Не знаю, что еще сказать. У мамы – у нее мозг кошки.

– Это как? – Регина очнулась и даже нажала кнопку чайника. Чайник подал признаки жизни. Соседка, наконец, выбросила осколки чашки в мусорное ведро. Открыла буфет и застыла в нерешительности. Она забыла, зачем открывала шкаф. Наконец, достала десертную тарелку и долго ее разглядывала, будто пытаюсь вспомнить, как связан чайник с тарелкой.

– Не знаю, как вам объяснить. Мама никогда не думала. Она всю жизнь использовала чуйку. Животную, кошачью. Делала так, как хорошо ей. Она жила инстинктами, этой самой чуйкой, которая, к сожалению, не распространялась дальше примитивных желаний. Мама не чувствовала людей. Не могла предсказать, к чему приведет ее поступок или бездействие. Чуйка позволяла ей заботиться исключительно о себе. Я, собственно, хотела сказать, если что-то будет нужно, позвоните мне, – сказала Лиза, поднимаясь.

– Я не знаю, что мне нужно. – Регина схватила закипевший чайник, обожглась, выронила его и расплакалась, глядя, как кипяток растекается по полу.

– Я уберу, ничего страшного. – Лиза схватила тряпку.

– Не надо. Обожжешься. Знаешь, я рада тебя видеть, – сказала вдруг Регина. – Даже не знаю почему. Просто рада. Ты заходи, если окажешься здесь.

– Конечно, спасибо. И еще раз простите.

Лиза вышла из квартиры соседки, борясь с желанием нажать кнопку лифта и уехать отсюда подальше. Но она заставила себя спуститься по лестнице на этаж ниже и встала перед дверью квартиры, которая считалась ее родным домом. Потом поднялась на пролет выше, открыла окно и закурила. Докурила почти до фильтра и достала еще одну сигарету из пачки. И тут закончился газ в зажигалке. Лиза щелкала, трясла, но безуспешно. И только после этого она снова спустилась к квартире и застыла на пороге. Загадала – если дверь

окажется заперта, уйдет, если открыта – войдет.

Так было еще в детстве – мать редко запирала входную дверь и могла вообще не услышать, что кто-то зашел в квартиру. Лиза же всегда запирала все двери на все замки, включая железную цепочку. Когда соседи по лестничной клетке огородили две квартиры дополнительной дверью, Лиза им завидовала и просила мать установить такую же. Но мать говорила, что у Лизы паранойя – что у них красть? Кому они нужны? Воры скорее заберутся в огороженные подобием клетки квартиры, чем в те, что кажутся доступными. Лиза не могла объяснить матери, что просто боится – звуков, шорохов, случайного сквозняка, от которого распахнется дверь. Лиза не чувствовала себя защищенной в собственной квартире. Ее дом не был крепостью, скорее постоянным двором.

Самый ужасный кошмар все же случился наяву. Лиза тогда была подростком. Однажды она вышла из своей комнаты и зашла в гостиную. Там стоял мужчина и копался в ящике шкафа. Лиза замерла и на цыпочках вышла из комнаты. Кем был тот мужчина и нашел ли он то, что искал, она так и не узнала. Возможно, это был очередной любовник матери, который решил прихватить с собой золотую цепочку или деньги. Мать возилась на кухне.

– Мам, там кто-то в шкафу роется, – забежала на кухню Лиза.

– Не выдумывай, – ответила мать, запахивая подол халата.

Тогда Лиза поняла, что тот мужчина действительно был любовником матери и что он точно шарил по шкафам в поисках ценностей. Но мать об этом знать не желала.

В следующий раз Лиза застала того же мужчину, стоящим на табуретке – он продвинулся в поисках и добрался до ящика с обувными коробками. В нижней справа, с летними туфлями, хранились золотая цепочка, серьги и две купюры по двадцать пять рублей, отложенных на зимние сапоги и дубленку.

– Там ничего нет. И нигде нет, – сказала Лиза в спину маминого любовника-вора, удивляясь тому, что говорит спокойно.

Тот дернулся и резко закрыл шкаф.

– Я искал чистое полотенце, – сказал мужчина.

– Я так и подумала, – кивнула Лиза.

– Начнешь болтать матери, я тебя...

Лиза не знала, откуда в ней появилась уверенность и наглость. Даже хамство. Ей было так страшно, что она с трудом боролась с приступом тошноты.

– Вы думаете, тут первый шаритесь? Номер телефона участкового у меня в самом начале записной книжки. Не знаю, что мама вам наболтала. Но у нас ничего нет. А все драгоценности – бижутерия. Правда. Участкового я уже вызвала, если что.

– Сука, – произнес мужчина и пулей вылетел из квартиры.

Больше он не появлялся. Мама плакала. Просто наказание какое-то. Почему всем остальным достаются приличные мужчины, а ей так не везет и попадаются сплошь проходимцы и подлецы!

Лиза помнила, как ее трясло в тот момент, когда она рассказывала мужчине про участкового. Как ей было страшно и обидно. И как мать может спокойно реагировать на подобное? Разве она не чувствует того же, что Лиза? Ощущения, будто кто-то залез в кровать, лег на чистое белье в грязных ботинках и вонючей одежде. И теперь нужно все перестирывать в трех водах, переглаживать с двух сторон, отмывать полы с хлоркой и проветривать, чтобы и следа не осталось. Но нет. Мать не сильно убивалась. Лиза чистила унитаз и ванну после любовников матери. Отмывала чашки с содой. Выливали ведро воды на пол, чтобы хоть как-то избавиться от грязи – вокруг, внутри себя.

Лиза всегда запиралась на все замки. Даже сейчас.

Она толкнула входную дверь. Открыта. Придется зайти. Лиза вспомнила, как мать твердила: если держать дверь незапертой, то женское счастье обязательно к ней придет. Вечно открытая дверь символизировала открытость новым отношениям. Точно так же мать свято верила, что судьба может ошибиться дверью и послать ей достойного мужчину. И ему даже стучать не

придется.

- Это я! - крикнула Лиза.

- Нет, ну ты представляешь? И я еще в этом виновата! Совсем люди совесть потеряли! Если ее муж кобель, то я тут при чем? Да у нас ничего не было! - Мать выскочила из кухни.

- Привет, - поздоровалась Лиза.

- Да, привет.

- Ты завтракаешь? - спросила Лиза, почувствовав, как сосет под ложечкой и бурчит в животе. Она выпила отвратительный кофе на заправке и только сейчас поняла, что умрет, если не съест хотя бы кусок хлеба.

- Да, но яиц больше нет! - объявила мать.

Так было всегда - мать готовила для себя, а Лизе доставалось то, что не хотела есть на завтрак родительница. Даже сейчас мать не предложила дочери приготовить хоть что-то или сварить для нее кофе. Она села за стол и стала доедать яичницу.

Лиза села напротив. Она не умела готовить для себя. Делать вкусно себе. А в присутствии матери, в этой квартире, у нее и вовсе пропал всякий аппетит. Оставалось лишь ощущение тягучей тошноты и головокружения.

- Там, кажется, есть йогурт. - Мать махнула вилкой в сторону холодильника.

- Спасибо, я поела на заправке.

Лиза налила себе стакан воды и выпила его чуть ли не залпом. Тошнота временно отступила.

Галюсик. Так всегда звали Лизину мать. По возрасту она должна была именоваться Галиной Ивановной, но ей нравилось, когда даже дочь в присутствии посторонних называла ее Галюсик. Когда Лиза была еще маленькой

и говорила «мама», Галюсик недовольно отвечала:

– Опять ты мамкаешь!

С возрастом Лизе стало удаваться вообще обходиться без обращений в каких-либо формах. Но из-за «Галюсика» у нее развилось стойкое неприятие уменьшительно-ласкательных суффиксов не только в именах собственных, но и в обычных существительных. «Лапусик», «полотенчико», «коврик», «хлебушек»... Когда возможный претендент на Лизины руку и сердце произнес, пусть в шутку, «пивасик», она разорвала отношения без объяснения причины. Когда лучшая подруга произнесла однажды «винишко», Лиза не разговаривала с ней два года. Еще один бойфренд продержался дольше остальных, но лишь до того момента, пока не сказал: «Вкусный супчик». Лиза вылила ему тарелку на голову, и роман, казавшийся перспективным, закончился. Кастриюлю супа она тоже вылила в унитаз. Никому она так и не смогла объяснить, что все дело в Галюсике – в матери.

– Мам, ты хоть понимаешь, что тебя считают чуть ли не убийцей. Регина ждала от тебя хоть каких-то слов. Ты могла бы проявить участие, что ли, – сказала Лиза, понимая, что говорит в пустоту и, что бы она сейчас ни сказала, все бессмысленно. Только воздух зря сотрясать.

– И за что, интересно, я должна извиняться? Я? – Галюсик со звоном бросила вилку.

Лиза встала, чтобы сварить себе кофе, – перед глазами плясали черные мошки, тошнота опять подступила. Она почувствовала, как по шее катится капля пота. Холодного и противного. Лиза насыпала в турку кофе, сахар, налила воду и поставила на плиту. Как Регина десятью минутами раньше, она не понимала, что происходит и почему кофе не варится. Нужно включить. Лиза забыла включить плиту. И вдруг подумала, что ту разбитую Региной чашку можно попытаться склеить. Соседка не так подставляла один фрагмент. Надо наоборот. Другой стороной.

– Что же я такого натворила? Давай, обвиняй мать. Ты же у нас полиция нравов! – Галюсик начала кричать.

– Можно я выпью кофе и поеду? – Лиза все-таки смогла включить плиту. От запаха кофе голова начала кружиться сильнее. Она ухватилась за край столешницы и глубоко вдохнула носом, чтобы сделать выдох ртом, и лихорадочно придумывала предлог, чтобы оказаться в своей бывшей комнате – прилечь на диванчик и хотя бы две минуты полежать, прийти в себя. От одной мысли, что сейчас снова придется садиться за руль, ей становилось совсем нехорошо.

Дорога от ее квартиры до материнской занимала минут тридцать пять по пустой дороге. По пробкам Лиза могла пробираться и полтора часа, как сегодня. Но после каждой поездки к матери она восстанавливалась еще двое суток, будто после тяжелого перелета с пересадкой и ощутимой сменой часовых поясов. Странно, что мать не замечает ее состояния.

– Ну конечно! Как у этой Регины сидеть, так ты готова, а как в дом родной к матери зайти – так нет! И что она тебе наговорила? Небось рассказала, какой ее Ленечка идеальный и что я во всем виновата?

– Но ты действительно виновата, – выдавила из себя Лиза. – У тебя лимона, случайно, нет?

Она открыла холодильник, отрезала лимонную дольку, посолила и попыталась разжевать. Иногда лимон с солью помогал ей прийти в себя. Но, видимо, не в этот раз.

– В чем я виновата? В том, что Регинин ненаглядный муженек оказался обычным кобелем? Да ему любая моргни – он и побежит. Я и не особо старалась! Очень надо! Я бы тоже сбежала, будь у меня такая жена, как Регина эта. Страшная, да еще и зануда. Леня, между прочим, еще тот ходок был, он мне сам рассказывал. Всю молодость гулял, даже не скрывался. А что не гулять? Регина поплачет и простит. Терпелка нашлась. Ленчик мне сам говорил, что, если бы Регина хоть раз ему лицо расцарапала или половником двинула по лбу, так он бы только рад был и не стал гулять. А гулял, будто назло. Гадал, когда жена ему скандалец устроит по первое число. Не устроила. Молчала, плакала. А сейчас я еще и крайней оказалась!

– А тебе он зачем сдался? Больше не с кем было? Спокойная жизнь надоела? Эмоций не хватало? – Лиза чувствовала, что ее трясет и снова подступает тошнота.

– Ха! Да я просто мужика пожалела. Ленчик только рад был, когда я ему по-соседски взбучку устраивала. Очень он скандалы любил. Я же видела – слушал, как я воплю, а сам млел, что тот котяра. Мазохист. Да наверняка он только мечтал, чтобы я его ремнем приложила и заставила бы из собачьей миски есть.

– Ты хотя бы вспомни, что я твоя дочь. Избавь меня от подробностей. – Лиза налила кофе в чашку и сделала глоток. Желудок немедленно отозвался урчанием.

– Да он, если хочешь знать, всегда на меня засматривался, аж слюни, как у бульдога, текли. Сколько раз в лифте пытался прижать. Я ему один раз двинула куда надо, так он от счастья чуть не помер.

– Мам, это неправильно, – прошептала из последних сил Лиза. Она села на табуретку и пыталась сосредоточиться на кофе. Но больше хотелось лечь на холодный пол и полежать. Просто полежать.

– Что неправильного-то? Что я ему двинула? Или что мужика пожалела, а теперь виновата по всем статьям? – возмутилась Галюсик.

– Все неправильно. Что ты для меня и для всех Галюсик, что я просила прощения у Регины, что ты сейчас мне подробности все эти пересказываешь и даже не замечаешь, что мне плохо. Можно я пойду прилягу?

– О, еще одна моралистка нашлась! Мало мне соседок этих заполошных да придурочных. Ленчик получается и ни при чем. Регину все жалеют, а я из квартиры не могу выйти, смотрят, будто я прокаженная или ведьма какая. Вон, одна такая психическая, Светка с четвертого этажа, иголки мне в дверь повтыкала, чтобы я сдохла. Я ее поймала за руку, вместе с иголками, к двери прижала, так она чуть не обоссалась от страха. Ну я ей иголку воткнула в руку, воплей было на весь дом. И опять я во всем виновата. Светка кричала, что в милицию пойдет и заявление на меня напишет. И с чего тебе вдруг плохо? Это мне плохо! Ты как была эгоисткой, так и осталась. Когда мне нужна твоя поддержка, ты опять про себя только и думаешь.

– Регина сказала, что тоже не может выйти из квартиры. Ей стыдно. За себя, за тебя и за своего мужа. За всех вас.

– Стыдно, у кого видно! Нашлась святоша. Нимб у нее еще над головой не светится? Из квартиры она выйти не может. Да ей это бабье ковровую дорожку как главной страдальце расстелет. А меня бы, дай этим клушам припадочным волю, на костре сожгли. И ты бы с Региной под ручку в первом ряду стояла да еще бы полешки подбрасывала! – возмутилась Галюсик. – Я-то при чем, если Регина не знала, что мужику хочется? Почему всегда женщина виновата? Я его к кровати не привязывала, хотя он и просил. И волоком сюда не тащила. Сам, своими ногами сюда пришел. И прекрати сидеть с таким лицом. Ленчик еще не сдох. Отлежится в больничке и опять будет как новенький. А если парализует, так и не жалко. Регина только рада будет, что ее муженек импотентом останется на всю оставшуюся жизнь. – Галюсик вдруг расхохоталась.

– Что смешного? – спросила Лиза.

– Да жизнь такая, бл..., что ухочешься, – ответила Галюсик. – Только ржать и остается.

Лиза услышала эту историю в разных версиях и с разными подробностями. У каждой: Регины, Галюсика и соседки Светки – главной свидетельницы, которая чуть ли не со свечкой у кровати стояла, – был свой вариант. Но канва истории звучала примерно так. Галюсик пошла выносить мусорное ведро. Мусоропровод находился между лестничными пролетами, и именно там, рядом с мусоропроводом, состоялась судьбоносная встреча Галюсика с мужем Регины Ленчиком. Лиза прекрасно помнила эту семейную пару. Соседи сверху, лучших и пожелать невозможно. Тихая, приятная пара. Дети выросли, иногда внуки в гости приезжали. Регина – всегда вежливая, доброжелательная. Правда, не улыбочивая, скорее задумчивая. Леонид, Ленчик, – полковник в отставке. Всегда придет на помощь, если крышка от мусоропровода сломалась или случился засор. Ленчик мог и захлопнувшуюся входную дверь вскрыть, и кран починить, и падающий карниз прибить. Настоящий мужик. А Регина такие булочки с корицей пекла, что даже Лизе хотелось домой идти, на запах. Только запах шел не из их квартиры, а от соседей сверху. В лифте с Региной тоже всегда было приятно спускаться – она пахла ванилью, детским мылом, травами и еще чем-то натуральным и вкусным. От Ленчика пахло табаком, одеколоном и уверенностью в завтрашнем дне. Он пах мужчиной, за спиной которого хотелось

оказаться любой женщине. Лиза не особо верила в рассказы матери про загулы соседа – Регина прекрасно выглядела для своего возраста, сохранив и девичью фигуру, и миловидность.

Лизе соседка сверху всегда казалась привлекательнее собственной матери. А булочки с корицей! Редкий мужчина станет гулять от таких булочек в исполнении кроткой жены, разве что полный извращенец. А Леонид, которого все соседи именовали не иначе как «генерал», маньяком и извращенцем не казался. Напротив. Все умилялись, когда он ждал около магазина жену с тяжелыми сумками, чтобы принять ношу и донести до дома. Леонида можно было встретить покупающего крошечную лампочку в ночник жены или меняющего батарейку в ее наручных часах. Они выглядели счастливыми бабушкой и дедушкой, когда выходили на прогулку с внуками.

Галюсик же придерживалась другой версии идиллической семейной жизни соседней. Она считала, что за прекрасным фасадом скрывается тирания. Лизе она с выражением, как на конкурсе художественного слова, пытаясь передать интонацию каждого из персонажей, рассказывала, как каждое утро Леонид будит и жену, и заодно соседку снизу своим криком. Ровно в шесть утра всеми любимый «генерал» грозно вопрошал: «Регина, где мой бутерброд?»

«Ленчик, давай еще поспим, пожалуйста», – умоляла мужа Регина. Но Леонид требовал бутерброд именно в шесть утра и ни минутой позже. Чего только Регина не предпринимала, чтобы продлить сон супруга – и капли на ночь давала, и занавески темные, не пропускающие свет, в спальне повесила. Но муж вставал без всякого будильника в пять тридцать, делал утреннюю гимнастику и в шесть требовал традиционный бутерброд с колбасой.

Однажды Галюсик даже вмешалась и встала на защиту Регины. Леонид курил исключительно на лестничной клетке, по многолетней привычке, хотя жена не запрещала ему курить на кухне. Но «генерал», согласно заведенному им самим правилу, выходил на лестницу, открывал настежь большое окно и курил, задирая голову, чтобы выпустить дым. Галюсик, вынося мусор, сказала, что она на месте Регины такого мужа давно бы прибила. Ну разве можно так измываться над супругой? Да и она не спит с шести утра, просыпаясь от криков и требований бутерброда. Леонид кивнул и почти неделю не требовал раннего завтрака, однако потом снова начал кричать по утрам, желая уже не бутерброд, а яйцо, сваренное непременно в мешочек. И бедная Регина безропотно варила

яйцо. Леонид возмущался, что «мешочек» никак не получался – яйцо оказывалось то вкрутую, то недоваренное. Наконец Регина узнала секрет приготовления идеального «мешочка», и еще на неделю крики прекратились.

А потом Леонид объявил, что по утрам станет есть овсянку. Регина вставала и варила кашу. Более того, она стала готовить завтрак с вечера и оставляла тарелки на столе – и с яйцом, и с бутербродом, и с овсянкой, заботливо укутанные полотенцами. Она достигла небывалого совершенства – варила овсянку так, что к утру каша не превращалась в густую липкую массу и не требовала разбавления молоком. Леонид же требовал не только каши, но и внимания жены в шесть утра, поэтому спустя еще неделю попросил на завтрак оладьи. Он не кричал, но запахи, которые просачивались через вентиляционное окошко из квартиры соседей в квартиру Галюсика, будили ее настойчивее криков. Да и привыкла она к ранним пробудкам и даже переживала, если сосед не требовал нового блюда на завтрак.

Однако выдерживать запах оладий, а потом сырников, а чуть позже – омлета с колбасой, помидорами и зеленью, еще позже – свежеспеченных сдобных булочек, Галюсик больше не могла. В шесть утра она запахнула свой шелковый халат и отправилась к соседям с требованием прекратить издевательство – ну пахнет так, что жрать хочется, а она на диете. Регина усадила ее за стол и накормила оладьями. Леонид был бодр и весел, травил солдатские анекдоты и подливал Галюсику чай. Та, уминая оладьи, в сотый раз сказала, что нельзя так издеваться над бедной Региной, заставляя ее стоять у плиты ни свет ни заря, и над ней, соседкой, тоже. Посмеялись, разошлись миром.

Соседи, одни из немногих, кстати, считали, что Галюсик слегка с прибабахом, но «баба нормальная», как характеризовал ее Леонид. Так что у них завязалось даже некое подобие дружбы. Галюсик всегда дарила Регине на праздники милые бессмысленные подарки – конфеты, кухонные полотенца, фарфоровые фигурки зайцев или драконов – в зависимости от того, какой год наступал по китайскому календарю, – «уставшую» ветку мимозы или бутылку водки (на 8 Марта и 23 Февраля). Регина радовалась вниманию и всегда защищала Галюсика от нападок соседок.

А Галюсик, получив неожиданную поддержку со стороны уважаемой семьи, пошла вразнос. Один раз она высыпала мусорное ведро соседки прямо перед ее дверью – та выставила мусор, моя полы в квартире, чтобы потом вынести, да, видимо, позабыла. Лиза прекрасно помнила, как приехала после звонка соседки,

которая кричала, что вызовет милицию. Ведь не первый случай хулиганства со стороны Галюсика! Женщина в возрасте, а позволяет себе подобное поведение! Ни в какие ворота! И тогда, стоя на лестничной клетке в окружении соседок, которые наперебой докладывали, что еще «учудила» Галюсик, Лиза не понимала, как общаться с собственной матерью. Ругаться? Отчитывать? Просить больше так не делать? И самое главное, она не знала, чего еще от нее ждать. От женщины, еще достаточно молодой для того, чтобы можно было бы списать чудачества на возраст, находящейся в здравом рассудке, не пьющей, но оставшейся одной и не нужной никому. Женщины, которая считалась ее матерью. Лиза не могла пообещать соседкам, что «мама больше так не будет», потому что знала – Галюсик будет. Лиза понимала, что мать страдает от одиночества. И не могла ей объяснить, что сама в этом виновата. Даже для собственной дочери она стала посторонним человеком. Дочь нуждалась в матери, а не в Галюсике. С восемнадцати лет Лиза жила одна. Получив паспорт, она оборвала связь с матерью. Приезжала лишь в экстренных ситуациях, которые случались все чаще.

Соседка снизу жаловалась, что Галюсик обрезала провода, ведущие к дверному звонку. В том, что «хулиганила» именно Галюсик, можно было не сомневаться – соседка напротив смотрела в глазок и все видела. Но не вышла и не остановила. Потому что себе дороже связываться.

– Зачем ты провода обрезала? – спросила Лиза у матери, не рассчитывая на вразумительный ответ.

– Звук раздражал. Слышно же все. Трели эти. Хуже, чем пальцем по стеклу водить или мелом по доске. С ума можно сойти от этих звуков. Ты просто не слышала. Тоже бы обрезала.

Галюсик всегда была чувствительна к звукам.

Как-то Лиза с Галюсиком поехали на море – первая и последняя их совместная поездка. Потом Галюсик предпочитала отдыхать одна, а Лиза проводила лето в лагерях, отбывая по три смены подряд. Ту поездку с матерью Лиза прекрасно помнила спустя многие годы. Ей исполнилось десять, и «море» считалось подарком на день рождения. Они с Галюсиком поселились в домике, стоявшем практически у кромки воды. Оставалось лишь удивляться, как домик,

откровенно говоря сарай, еще не смыло набегавшей волной. Перед самым домом были навалены камни, а внутрь вела деревянная, разохшаяся от времени, воды и солнца лестница. Июнь в тот год случился холодным, море все время штормило. Но Лиза, закутавшись в одеяло, сидела на лестнице и смотрела на море, которое плескалось под ногами. Это стало одним из самых сильных потрясений в ее жизни – сидеть и смотреть, как набегают волны, а стекла в домике трясутся от ветра. Галюсик кричала, ругалась с хозяйкой, что-то требовала, грозилась уехать, а Лизе было так хорошо, как никогда. С тех пор она любила шторм, ветер, холод и ощущение того, что в любой момент и тебя, и дом, и все вокруг поглотит стихия. Смывает волной, и следа не останется.

Галюсик не могла спать. Она втыкала в уши вату, что было бесполезно. Ее пугали дребезжащие стекла, завывание ветра. Постоянный, несмолкающий шум моря раздражал. А Лиза спала как убитая. Под рев волн, казавшихся даже не стонами, а причитаниями.

Мать потом часто вспоминала ту поездку как самый ужасный отдых в своей жизни. А Лиза – как самый лучший. Запах плесени, которым были пропитаны шкафы, пол, полотенца, вещи. Песок, который тоже был везде – и в волосах, и в вещах. Несмываемый, жирный, колючий. Холодный пол и всегда влажная постель. Утренний озноб, когда зуб на зуб не попадал, и жар, потное тело, стоило лишь показаться солнцу.

Лиза, придумав собственную игру, оставляла на песке свой сланец, обозначая черту, за которую волна не должна заступать. Галюсик говорила «сланец», а Лиза – «шлепку», как было принято в лагере. Хотя в другом лагере все говорили «вьетнамки». Но с мамой она решила говорить «шлепка». Лиза сидела и смотрела, как накатывает волна. Она могла часами наблюдать за шлепкой, чтобы в последний момент побежать и выловить ее из воды. Там, в песке, она нашла двойного куриного бога – ракушку с двумя дырочками. Настоящее сокровище, которое исполняло не просто все желания, а в двойном размере. Тогда Лиза не смогла ничего загадать – отложила желание на потом, чтобы хорошенько подумать и загадать наверняка. Но так и не придумала того, о чем мечталось вдвойне. Или придумала, но забыла. Ракушку она перепрятывала с места на место, пока не потеряла. Как и шлепку, ставшую наконец добычей моря.

В тот отпуск Лиза окончательно поняла, что надеяться она может только на себя. Сама должна отвечать за собственное здоровье, пропитание, жилье и

прочие бытовые нужды. И приглядывать за матерью. Когда Галюсику попал песок в глаз и она терла рукой, промывала, снова терла, Лиза налила воду в таз и заставила мать окунуть лицо в воду и открыть глаза. Так их научили в лагере. Галюсик даже не удивилась, хотя Лиза тогда считала себя героиней. Мать не поблагодарила за заботу.

Когда Лиза отравилась, что-то съев в местной столовой, она сама себе устроила промывание желудка – пила воду, засовывала в рот два пальца, вызывая рвоту, снова пила воду и вызывала рвоту. Галюсика дома не было. Она вернулась уже под утро и, разбудив едва задремавшую и измученную дочь, строго спросила, чем это воняет.

– Мне было плохо, – ответила Лиза.

– Теперь я еще от запаха не усну, – сердито заметила Галюсик, но заснула через минуту. Лиза же лежала без сна.

После того лета она опять стала ездить в лагерь, даже просилась туда, чему Галюсик была только рада. Лиза же понимала, что в лагере она в большей безопасности, чем рядом с матерью. Она училась выживать. Наблюдала будто со стороны за всеми происшествиями, чтобы в будущем быть готовой с ними справиться. Принять правильное решение. Она росла самостоятельным ребенком, который умел все. Главный приобретенный навык – выживать в любых условиях.

Лиза снова приехала к матери – еще одна соседка позвонила и сообщила, что Галюсик засунула спички в ее дверной замок, потому что они якобы сверлят дрелью по выходным и с раннего утра. А это не они, а другие соседи. И те сверлили лишь один раз – зеркало в коридор вешали. Что теперь – без зеркала оставаться? Соседка требовала компенсации – за вскрытие и замену испорченного Галюсиком замка.

– Да, я приеду, все компенсирую – пообещала Лиза.

– Я бы не позвонила, если бы не Андрюша. – Соседка вдруг заплакала. – Я же все понимаю. Но я такого страху натерпелась. Андрюша – мой внук, я его спать днем уложила, и черт меня дернул в магазин побежать. Мука закончилась, а я внуку

блинчиков обещала. Андрюша крепко спит, еле добудисься, ну я в магазин за мукой и побежала, а возвращаюсь минут через пятнадцать – в замке спички торчат, ключ не вставишь. И Андрюша как раз проснулся, заплакал. Я по эту сторону слышала, как он плакал. Чуть сердце не остановилось. Сто раз себя прокляла за то, что его одного оставила. В первый раз – и тут сразу такое. Конечно, я себя виноватой чувствовала. Пока слесаря вызвала, пока квартиру вскрывали, я под дверью сидела и скулила, как та собака. Слава богу, с Андрюшей ничего не случилось, а ведь могло. Балкон открыт, ножи в ящике, порошки в тумбочке под ванной. Но Андрюша до сих пор плохо спит. Просыпается и плачет. Дверь в комнату даже прикрыть не разрешает. Я же не перекалдываю ответственность! Сама дура старая! Но так же тоже нельзя – сразу спички в замок совать! Вы как-то поговорите с матерью. Не первое же хулиганство с ее стороны.

– Поговорю, – кивнула Лиза.

– А вдруг бы пожилой человек и что-то случилось, тогда как? – продолжала соседка. – Я потом не знала, какие таблетки пить, давление подскочило. Думала, умру. Я же не из-за денег. Но, может, мама ваша хоть поймет, что виновата. Что надо себя как-то прилично вести.

Лиза хотела объяснить соседке, что Галюсик не начнет вести себя прилично. И страдания бабушки по поводу внука ей не близки. Она никогда не любила детей – ее раздражали их крики, беготня, возня. Но как это сказать женщине, которая сидела под дверью, успокаивая плачущего, испуганного внука? Никак. Невозможно.

Лиза отдала деньги за вынужденную замену замка. Купила ребенку машинку, конструктор, принесла торт. Большого она сделать была не в состоянии. Мать же опять не считала себя невиновной. Ошиблась дверью. А Андрюша этот – избалованный гаденыш. Бабушку бьет, истерики закатывает. Ему бы надавать хоть раз хорошенько по жопе. Да все в подъезде знают, как он над бабушкой измывается – то купи, то подай.

И только добрая Регина встала тогда на защиту соседки.

– Ну а что вы хотите? – увещевала она возмущенных женщин. – У всех нервы. В городе живем, не в деревне. Экология плохая, сплошная беготня, стрессы на

каждом шагу. Нормальный человек с ума сойдет, а если женщина одинокая, что с нее взять? Только пожалеть и остается. Она ищет, куда свое одиночество деть.

– При чем здесь экология? – возмутилась бабушка Андрюши. – Это же ни в какие ворота! Сегодня спички, а если завтра она дверь подожжет? Тоже ее пожалеть за это надо будет?

– Внимания ей не хватает и человека рядом, мужчины, – стояла на своем Регина.

– А дочь? Всем бы такую дочь! Чуть что – приезжает. Как только она еще мать терпит? – подхватила одна из соседок. – Экология... Да эгоистка эта Галя, вот и весь ответ. Только о себе и думает.

– Сейчас всем тяжело. Потому что ноябрь. На улицу выходить не хочется, на серость эту смотреть, – заметила Регина. И начала рассказывать соседкам, как было замечательно, когда ее Леонид служил в Алтайском крае. Вот это было счастье – природа, ягоды, рыба. Ни бессонницы, ни давления, ни нервов. Какие нервы, если вокруг такая красота, что сердце замирает. И зимой хорошо, и летом. А осенью какая благодать! Вот утром встаешь, делаешь глубокий вдох – и жить хочется. Будто сил прибавляется. А здесь, в Москве, как ни дыши, а уже с утра уставший. Вот у Ленчика всегда здоровье было лошадиное. А как в Москву перевели, так все и посыпалось, болячки одна за другой. То тахикардия, то сразу две грыжи в позвоночнике. Да еще вдруг аллергия. Вроде бы на ольху. Но ольхи Регина в ближайших посадках не нашла, как ни искала. А может, не на ольху, а на продукты. Молоко ведь уже и не молоко, курица не курица – чем тех курей кормят, поди знай? Может, и у Галюсика какая болезнь, только еще не известно какая. Вот она и страдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/masha-traub/ili-ya-seychas-umru-ot-schast-ya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)